

ПРИЯТЕЛИ

ВОЙТ СОДОМА

ПРИЯТЕЛИ

ПОВЕСТЬ

I

— Скажи, что человека отличает от куска мрамора? — спросил приятель Ж.

Приятель Н. задумался и поставил свою голову под кулак.

— Мне однажды девушка, — незнакомая, не подумай, — сказала: «Я тёплая».

— Это и есть отличие? — спросил приятель Ж.

— Верно, так и есть... — ответил приятель Н.

Приятель Н. закивал, что-то себе обдумывая; он был слабо огорчён.

— Ты знаешь, наверно, как её зовут? — спросил приятель Ж.

— Нет, не знаю... — досадно ответил приятель Н.

— Не знаешь.

— Так что? попьём, быть может, что-нибудь? — отозвался приятель Н., снимая шляпу.

— Да. Налей, пожалуйста, в мою чашку чая, — согласился приятель Ж. — И всё же... Та девушка: неужели нет никакой информации?

— Говорю же: нет. Я помню её, как после сна, — сказал приятель Н. с некой отстранённостью.

Приятель Ж. улыбнулся, разливая чай.

— Ты хочешь удивить меня этим? — Приятель Н. скрестил руки.

Чай вытекал из чайника медленно. Приятель Ж. продолжал улыбаться.

— Что?

Приятель Н. стоял на стуле и вытирал влажной тряпочкой пыльную лампу. Приятель Ж., напротив, сидя на полу, вязал небольшой свитер. Он на ощупь находил нужные клубки пряжки.

— Приятель, — вдруг заговорил приятель Н. с высунутым языком, — я, кажется, вспомнил внешность той девушки.

Приятель Ж. протяжно выдохнул, умолчал.

— Тонкие кости... — сказал приятель Н.

— Тонкой наружности, — возразил приятель Ж. — Тонкой наружности... Продолжай.

Приятель Н. слез со стула, или скорее спрыгнул, и сел рядом с приятелем Ж.

— Да. И волосы необычного цвета; такой, как у только-только цветущей сирени.

— Сиреневатый, — возразил приятель Ж.

— Сиреневатый, верно ты сказал, — сказал приятель Н. и положил

голову на плечо приятеля Ж. — С молоком связана.

Приятель Ж. отпрянул, клубок пряжки вылетел из рук его.

— С молоком, говоришь? — Приятель Ж. покосился в задумчивости. В какой-то момент он начал падать, посему судорожно схватился за стол. Тут же погасла лампа.

За окном ночь. Жёлтый свет лампы (чистой от пыли, подумал приятель Н.) уничтожил уютное марево. Локация действия переменялась на неизвестную. Приятели Н. и Ж. как всегда наделали много ошибок.

Приятель Н. нарезал колбасу во мраке. Ножом ли? Приятель Ж. находился в том же помещении, однако признаков своего нахождения там не подавал.

Приятель Н. пискнул:

— Чёрт!

— Порезался, приятель? — отозвался впервые приятель Ж.

— Нет. Мышку задавил, — сказал приятель Н.

— Мышку? Видимо, мы с тобой, приятель, в каком-то подвале сидим. Возможно, солдаты, — ответил приятель Ж.

Приятель Н. кинул прибор для нарезания колбасы в стену, но тот звука не издал.

— В ближайших десяти метрах нет стен, — сказал приятель Н. — Это казарма.

— Да кто ж в казарме чистит колбасу? — возразил приятель Ж.

— Кто-то да чистит, приятель, — ответил приятель Н.

Прошло много часов. За окном рассвело.

— Дураки мы! — рассмеялся приятель Н. заливисто и страшно.

Приятель Ж. заметил, что приятель Н. долгое время держал мёртвую мышь. После этого, спустя минут десять, приятель Ж. заметил следующее: приятель Н., стараясь быть незамеченным, положил мёртвую мышь в карман своего пальто.

— Для чего ты это?.. — начал было приятель Ж., но приятель Н. перебил его своим смехом.

Смех, протяжный смех. Смех долгий, юмористический, показательный.

Приятель Н. успокоился.

— Прости, приятель, — сказал он. — Я подумал, что мёртвая мышь в моём кармане поможет узнать что-то новое про ту девушку, из-за которой и начался наш диалог.

— У тебя тоже есть смутное ощущение, что нами управляют? — спросил приятель Ж. Его губы дёргались то в улыбке, то в испуге, а шляпа на голове едва ли не улетала от ветра, который был вызван внезапно открывшимся окном.

— Нет, — ответил приятель Н., — это как минимум глупо. Сколько людей так думают? И что, собственно, меняется? Они забывают эту мысль на следующий день, воспринимая всё как достоверную

реальность.

— Ты прав. Больше не будем заводить эту тему. Мало ли, к каким последствиям это может привести... — Приятель Ж. осмотрелся с нарочитой осторожностью.

Немая пауза продлилась тринадцать секунд, и приятель Ж. захохотал, словно не смеялся сотни лет до этого.

Но видно было, как на лбу у приятеля Ж. выступил пот.

— Чего ты боишься? — надменно серьёзно спросил приятель Н.

И лицо приятеля Ж. мгновенно ожесточилось. Морщины наелись теней и опухли.

— Панических атак боюсь! — сказал он. — Они как мухи...

Приятель Н. перебил его:

— Как мухи что? Знаешь, я вспомнил ещё несколько деталей про ту девушку. — Он посмотрел на рассвет. — Она любила есть малину на рассвете. Или... хотела бы так делать.

Приятель Ж. к этому времени насупился и внимательно слушал приятеля Н.

— Да? Это важная деталь, приятель. Сейчас, я найду свою записную книжку... — и он полез в карман, где рука исчезла полностью.

— Зачем тебе такой глубокий карман?

— Я люблю отвечать на вопросы.

За окном играла грустная музыка. Под неё люди смотрят в пустоту и представляют себя в различных ситуациях; так же сейчас поступал приятель Н. Он смотрел на силуэты людей, идущих по улице в столь поздний час.

Приятель Ж., сгорбившись, что-то писал в тетради, стараясь не встречаться взглядом с приятелем Н.

— Эй, приятель, — не отрываясь, сказал приятель Н., — у неё было сердце.

Приятель Ж. слегка удивился: это стало заметно из-за новой складки на лбу. Он продолжал писать.

— Так и запиши: «сердце было»...

— Сердце было, говорит! — усмехнулся приятель Ж. — Да у каждого человека есть сердце! И не только у человека; и у собак есть.

— Да ясное дело, приятель, ясное дело! — с невыразимой печалью вдруг сказал приятель Н. — Худая, сиреневласая, сердешная моя незнакомка!

И приятель Н. горько зарыдал, громко захлопнув окно. Слёзы ниспадали с его щёк, в комнате медленно темнело.

Приятель Ж. не знал, что делать, поэтому решил остаться на месте и писать. Правда, он не понимал, что пишет.

— Мы никогда её не найдём! — закричал приятель Н., рвя на себе пальто. — Она родилась во мне, чтобы после погибнуть во мне!

— Ну, ну! приятель! — приятель Ж. всплеснул руками, — притормози, притормози... Не делай себе больно, что ж ты!..

Приятель сели на кровать. Приятель Ж. подумал о том, что надобно бы включить лампу, однако тут же остепенился, ибо она была немывтая. Так и сидели.

Приятель Н. заговорил первый:

— Знаешь, приятель? Запиши-ка ещё вот что: её звали В—.

Приятель Ж. подавился воздухом.

— В—? В—... — шептал приятель Ж., записывая. — Как хорошо, что ты вспомнил это! А ты думал!

Приятель Н. выбежал из комнаты.

— Худенькая! Волосы сиреневые! Высокая, дай бог! Имячко — В—! — надрывался приятель Ж., стоя на площади. Полы его пальто были сильно изорваны, а очки, которые он надевал, когда выходил на улицу, запотели от воздуха.

Никто на его выкрики не отвечал.

Приятель Н. был в бреду. Его знобило несколько часов. Он остался дома.

— Кого ищешь? дочь? — заговорил с приятелем Ж. кто-то в красном шарфе.

— Нет, господин, не дочь! Ищем девушку моего приятеля, видите-ли... Пытаемся...

— Зря пытаетесь! — буркнул кто-то. — Тут вам доверия никто искать не будет. «Спасибо» в карман не положишь!

Кто-то прошёл мимо. Приятель Ж. простоял в раздумьях минут пять, после, резко напивавшись ярости, сорвал с себя очки и побежал к местному газетчику, где заплатил за газету несколько дукатов и растоптал эту же газету на серой земле. Люди оглядывались на него, но понимали: всякое бывает.

Приятель Ж. ухаживал за приятелем Н. несколько дней. Большую часть времени приятель Н. проводил за чтением книг африканских паразитологов.

— Что читаешь? — спросил приятель Ж., сидя на диване и покуривая папиросу. Дым размывал его лицо.

— «Диагностика желудочных *Megalagrion Paludicola*», — ответил приятель Н.

— Ясно.

Приятель Ж. встал с дивана и вытянулся, издавая протяжный стонущий звук, а после выдохнул много воздуха.

— Приятель, я хотел тебе кое-что сказать: дело в том, что я, кажется,

нашёл родительницу этой В—, — сказал приятель Ж. — Я записал все характерные черты внешности и пошёл на площадь; ну, помнишь, я рассказывал? Возвращаясь домой, я вдруг обнаружил странную пожившую женщину! Волосы, выглядывающие из-под странного убора, — сиреневые, фигура — тонкая... и тут меня затрясло.

Приятель Ж. стал ходить по комнате: взад-вперёд.

— Я подошёл к ней, — продолжал приятель Ж., — окликнул и сразу поинтересовался про её родословную. Потом начал медленно намекать на её дочерей и сестёр. Она заплакала после этого... Я извинился и пригласил её в местное кафе. Мы попили кофе... и она мне рассказала про свою дочь; про её гулящий характер, небрежное отношение к учёбе и так далее. И знаешь, приятель, я заметил в этих пьяных словах долю того, что мы с тобою искали!

Приятель Ж. закончил с придыханием.

— Да? — отозвался приятель Н., переворачиваясь на спину. — Ты же взял адрес этой женщины, приятель?

— Нет: зачем? — сказал приятель Ж. пустым голосом.

Приятель Н. перестал моргать и переместил взгляд на приятеля Ж.

— Я тебя чем-то задел? — спросил приятель Н.

— Нет, — ответил приятель Ж.

— Но я почувствовал в твоём тоне нечто странное, приятель. Такое чувство, что ты расстроен; тебе хочется уничтожить то, что строилось годами... «Вы отказываетесь от своего слова... Вы обрадовались случаю!»

— Довольно! приятель, — отрезал приятель Ж. — Я не взял её адрес лишь потому, что у неё и места жительства нет! Она бездомная, бедная, вшивая, больная женщина.

— И что? — вспыхнул приятель Н. — Приятель, приятель! какого чёрта ты не расспросил её об В—?!

Приятель Ж. был на взводе:

— Хватит, хватит этих бессмысленных разговоров и полемики, мать бы их побрала! Давай, пойдём же скорее; пока эта женщина навсегда не исчезла с загадкой, как когда-то её дочь! — исчезла!

Приятель Ж. начал прыгать и кричать. Это выглядело откровенно нелепо.

Через тридцать секунд приятели Н. и Ж. уже выходили на улицу, полные ненавистных настроений к чему-то, но не друг к другу.

— Приятель, я обещаю, что не позволю нам зайти в этот дом, пока мы не найдём разгадку о В—... — сказал приятель Н.

— Приятель, я уверен в этом, — ответил приятель Ж.

II

Приятели Н. и Ж. зашли в маленький магазин, где продавались часы, маятники и так далее.

— Продавец, продай мне часы, — сказал приятель Ж., прокручивая перо в своей шляпе. — Вон те.

Продавец подал вон те часы приятелю Ж., однако их перехватил приятель Н., тоже прокручивающий перо в своей шляпе, только против часовой стрелки.

— Идиот! — закричал приятель Ж.

— Идиот! — закричал приятель Н.

Они вышли из магазина с пустыми руками; часы они возвратили.

— Приятель, а на кой чёрт нам вообще понадобились эти часы? — спросил приятель Н.

— Чёрт их знает! — ответил приятель Ж, пиная камень.

Камень покатился, потом запрыгал, потом плюхнулся в лужу и остановился. Приятель Ж. тоже остановился. Потом приятель Н. остановился.

— Что? — спросил приятель Н. — Разгадка?

— Нет, вспомнил детство: мы здесь с мамкой часто гуляли, и я вот так камешки пинал да пинал...

— Ты идиот! — закричал приятель Н., а перо в его шляпе вылетело, словно после драки. — Ты теряешь наше время зря!

— Остановись! Я... я понял! — вдруг сказал приятель Ж. Он достал из глубокого кармана подзорную трубу и умастился на траве, рядом с... *палисадником.*

— Звёзды, небо, звёзды, небо, звёзды, небо!.. — сказал приятель Ж.

— Ты прав! — опомнился приятель Н. — Скорее, побежали! Я знаю, где искать эту женщину!

III

Приятель запыхался, пока бежали, и оба держались за больной бок. Между прочим, приятель Ж. всё это время не выпускал из рук подозрную трубу, из-за чего отставал от приятеля Н., бежал трусцой.

Удивительно, но приятель Н. вовсе забыл, что хотел!

— Идиот... — сказал приятель Н. Он резко остановился, подняв пару клубочков пыли.

Приятель Ж. врезался в него, подозрная труба улетела в неизвестном направлении. Приятель Ж. и опомниться не успел.

— Что случилось? — спросил приятель Ж.

Приятель Н. медленно повернулся, и его лицо выражало глубочайшую вину.

— Я забыл, что хотел тебе показать, приятель... — ответил приятель Н. — Тогда, на траве, когда ты смотрел на звёзды и небо, мне пришло что-то в голову. Эфемерное, приятель, непонятное... но такое, что дало бы нам ответ на нашу задачу.

— Не беспокойся, приятель, — сказал приятель Ж., поворачивая шляпу так, чтоб она смотрелась приличнее.

— Да как же здесь не беспокоиться?..

Приятель Ж. сел в позу лотоса и аккуратно наклонил голову в бок. Таким образом он хотел внушить приятелю Н. некую безопасную обстановку.

— Я ношу с собою подозрную трубу не просто так, приятель, — сказал приятель Ж. — Смотря на небо, звёзды, я могу находить логические выходы из различных ситуаций. В формах облаков, например, я часто вижу последовательную операцию: вот облачко показывает мне первый шаг, вот — второй. Тогда, когда ты оборвал меня и сказал бежать, я уже начал рассматривать эту цепочку, которую мне показало небо.

Приятель Н. не двигался, внимательно слушая приятеля Ж.

— И что же? — спросил приятель Н. после некоторого молчания.

— Если пойти прямо и не сворачивать весь этот путь налево, то можно увидеть справа маленькую вывеску. На вывеске наклеены свежие листовки. — Приятель Ж. выставил ладонь, изображая листовку. Другой рукою он изображал текст, который, вероятно, был бы на этой листовке.

— Плакат.

— Верно, приятель, — радостно сказал приятель Ж. — Именно с помощью этого плаката мы сможем что-то найти.

— Что-то — что? — недоверчиво спросил приятель Н.

— Когда я говорю «что-то», приятель, я имею в виду что-то весомое.

Приятель Ж. был оскорблён поведением своего приятеля Н.

Приятель Н. пошевелился: сначала оттопырился палец.

— Пойдём, приятель, — сказал приятель Ж. как бы через силу. — Я покажу тебе это место.

Торжественно вставив новое пёрышко в свою шляпу, приятель Н. пошёл вслед за приятелем Ж.

Хотелось бы объяснить: всю дорогу приятель Н. чувствовал в своей груди кислый сумрак. Да, они были приятелями, но иногда разверзнувшаяся бездна между ними слишком широка. Они не могли переступить её.

Приятель Н. выглядел не так, как обычно: его глаза посажены, в них видна тягота минувших дней и тягота дней, которые наступают. У него в душе копошится насекомое, в его мозгах пухнет металлическая ягода.

Немного, и будет сплошное «А». «А» с криком.

— Приятель, мы пришли. — Приятель Ж. не повернулся, когда сказал это.

На вывеске всё то, о чём говорил приятель Ж. Приятель Н. указал пальцем на самый броский плакат: о концерте певицы. Часть плаката была сильно изорванной; видно, какой-то мальчишка сорвал половину плаката, из-за чего узнать имя певицы не представлялось возможным.

— Да... Дилемма, приятель, — сказал приятель Н.

— Этот плакат я увидел на небе, — сказал приятель Ж. — Я уверен, что это и есть В—.

— Плакат порван, конечно, критично, но не критично: видно вторую букву её имени: «е». То есть она Ве—.

— Да, она Ве—.

Приятель Н. с силой прижался к плакату лбом и начал вчитываться.

Прошло десять минут; приятель Н. плохо читает.

— Нам срочно нужно в аэропорт! — закричал приятель Н. Приятель Ж. посмотрел на него в тишине.

— Какой же ты дурак!

Приятель Н. в момент растерял позитивный настрой.

Он сухо сказал:

— На третий час ночи... рейс. Нам нужно туда. Концерт пройдёт в другом городе.

— Я это прочитал уже давно, приятель, — сказал приятель Ж.

Приятель Н. и Ж. синхронно развернулись и монотонно пошагали вдоль улицы.

Они проходили мимо мусоросборки.

Кажется, приятель Н. был слегка расстроен. Приятель Ж., кажется, слегка намок: пошёл дождь. Приятель Н. увидел это и снял своё пальто.

Приятель Ж. скукожился, как ёжик, во мгновение почувствовав тепло.

— Спасибо... приятель, — сказал приятель Ж., улыбнувшись левой частью лица. — Держи моё. — Приятель Ж. снял пальто приятеля Н.,

снял своё пальто, дал своё пальто приятелю Н. и надел пальто приятеля Н..

— Спасибо, приятель, — отозвался приятель Н.

Мусорщик не опускал бровей.

Взлётная полоса сверкала под белым пасмурным небом. Приятели Н. и Ж. шли медленно, рассматривая происходящее. Но ничего не происходило. Люди с сумками роились.

— Приятель, зачем мы пришли сюда вечером? Ведь нам вылетать в три часа ночи, — спросил приятель Ж.

— Утра, — поправил его приятель Н.

— Ну, утра. Какая разница? — спросил приятель Ж.

— Прекрати. Хватит.

Они остановились и три часа посвятили взаимопониманию.

— Ненавижу этот звук: когда взлетают самолёты, — сказал приятель Н., стоя в очереди.

— Согласен. Особенно, когда они грузовые: звук противнее, — сказал приятель Ж., стоя в очереди.

Девушка стучала ручкой по глянцевому столу, как бы подзывая.

— Приятели, подходите! Хватит уж стоять, ну? — жаловалась девушка.

— Что это за девушка? — спросил приятель Н.

— У меня вопрос другой: зачем она стучит по столу своей ручкой? — спросил повторно приятель Ж.

— Полоумная? — предположил приятель Н.

Девушка стукнула по столу так сильно, что ручка лопнула, и пружинка этой ручки отлетела прочь. Медленно разлились чернила. Девушка не выдержала и заплакала. Её глаза покраснели, она стала похожа на маленькую девочку времён царской России.

— Приятель, приятель! хватай авиабилет! — закричал приятель Ж.

— Нет, приятель, нет. Я не стану так поступать с ними, работниками, — ответил приятель Н. — Погляди: ужасная отрешённость от нормальной жизни. В грязи, как в клоповнике сидят, билеты дают! Ты ли не видишь, ты; работник магазина часов!

— Зачем же ты так говоришь? Что я, мол, работник там какой-нибудь... Каким бы ни был! Я часы ненавижу, приятель, с детства. Уж много боли принесли в своё время часы.

Приятель Ж. отвернулся и надулся, как ребёнок.

— Приятель, подожди. Нам просто стоит расслабиться.

Самолёт летел далеко! Приятель Н. принял горизонтальное положение и некой летающей сущностью переместился вовнутрь.

IV

В самолёте было душно. Приятель Ж. читал газету, сидя в комфортабельном голубом сидении. Приятель Н. читал газету приятеля Ж., так как сидел совсем рядом.

Соседи приятелей Н. и Ж.: дама в пиковом сооружении, безволосый Капчип Кале (подробнее про него чуть позже), гувернантка уездного города NN и участник невероятной труппы «Веселье и трагика».

Приятель Ж. заулыбался, прикрываясь шляпой.

— Три часа ночи... приятель... — заигрывал приятель Ж.

Приятель Ж. отложил газету.

— Три часа утра, приятель, — ответил приятель Н. — Что у нас за соседи? Это очень смешно.

Оба рассмеялись.

Дама в пиковом сооружении толкнула приятеля Ж. плечом. Плечо было таким хрупким, что невзначай хотелось извиниться: толкнула плечиком.

— Будьте потише! — сказала она.

— Мы и так тихие, нет? — спросил приятель Н. у приятеля Ж.

— Мы тихие. — Приятель Ж. обернулся. — Мы тихие, дама. Как вас зовут?

Дама в пиковом сооружении возсвистела во все зубы.

— Нет уважения, ай да!

И отвернулась. Приятель Н. толкнул плечом приятеля Ж. и сказал:

— Мне кажется, приятель, что мы все тяжело больны. Особенно дамы в странных... сооружениях.

— Да, — ответил приятель Ж., — сооружениях на непонятном месте. Вот ты можешь сказать, где находится это сооружение?

Приятель Н. исподволь взглянул на даму в пиковом сооружении.

— Нет, — ответил приятель Н.

Дама в пиковом сооружении не двигалась, дышала размеренно. На её шее была шубка.

Приятель Ж. поднял брови.

— Где-то я читал про психологию женщин, — сказал приятель Ж.

— И что пишут? — спросил приятель Н.

— Что-то, касающееся этой ситуации, — ответил приятель Ж.

Оба замолчали.

Самолёт громко гудел.

— Приятель, спроси у этой женщины про Ве—, — сказал приятель Н. Его лицо розовенькое.

— Да, приятель. Почему, приятель, у тебя лицо розовенькое? — спросил приятель Ж.

— Робею.

Приятель Ж. поднялся со своего места, опрокинул шляпу (имеется в

виду: снял). Впереди, спиной к нему, сидел участник невероятной труппы «Веселье и трагика». Приятель Ж. около минуты подбирал слова.

— Приятель! — сказал приятель Ж.

Отозвался приятель Н.

Участник невероятной труппы не среагировал.

Приятель Ж. махнул на приятеля Н. рукою, мол, сиди; приятель Н. зажевал губы и упёрся взглядом в пол.

— Актёр! — сказал приятель Ж.

Актёр отозвался:

— Слушаю вас.

Приятель Ж. упал обратно на своё место. Актёр был повёрнут к нему.

— Актёр, кто же ты? — спросил приятель Ж.

Актёр провёл пальцами по своему лицу: оно было гримировано.

— Я — актёр-с. Участник невероятной труппы «Веселье и трагика».

— Почему она невероятная? — спросил приятель Ж.

Актёр опустил улыбку.

— Вы слушали наши выступления? — спросил Актёр, неуместно кривясь.

Приятель Н. подумал: «Актёришко...»

Дама в пиковом сооружении тихо посапывала на своём месте. Так скажем, местечке.

— Нет, — ответил приятель Ж., — не слушал. Расскажите.

— Расскажу-с, — сказал он. Самолёт вошёл в дождевую тучу, в салоне стемнело, голубые лампочки на панелях. И продолжил: — Мы зародились в шестисотом году, в Венеции, во время фантомного фестиваля...

Салон посветлел. Приятель Ж. перебил его:

— Актёр, что ты знаешь о Ве—?

Актёр, нагло перебитый, напрягся. Грим его казался зловещим. Голубые лампочки на приборных панелях.

— Не знаю никакой Ве—, — сказал Актёр.

Приятель Н. огорчённо выдохнул.

— Ты знаешь про некую певицу? Ве—?

— Ты что, дурак-с? — Актёр развернулся.

Приятель Ж. какое-то время смотрел на причёсанный затылок Актёра. С этого момента Актёр стал для них участником труппы, как однажды Елена стала Нелли для Ивана Петровича...

Приятель Н. выпрямился, злобно смотря перед собою. Выкинув руку вперёд, он насильно развернул участника труппы.

— Участнишко, выслушай меня: мы летим в совершенно другой город, на концерт певицы Ве—... Понимаешь, о чём мы? — Приятель Н. достал из кармана помятый плакат и разгладил его на коленке. — То есть мы не знаем её полного имени, но знаем первые две буквы: «Ве».

Участник труппы молчал. По его лицу было видно, что ничего

больше он не скажет.

Вмешался приятель Ж.:

— Спокойнее, приятель.

Приятель Н. сильно загорел: появилась плёнка, у бровей застыла накипь. Он чертовски сильно переживал этот диалог.

Приятель Ж. залез рукою в свой большой карман. Оттуда он достал драматическую миниатюру. Хотя и с сомнением, участник труппы вновь развернулся к нему. Щенячьи глазки. Грим.

— Ты получишь это — если поможешь нам, — медленно и строго произнёс приятель Ж. Он потряс миниатюрой.

— Неприлично, — сказал приятель Н.

— Прилично! — отрезал приятель Ж. — Что ещё делать?

Участник труппы с заметным усилием переборол себя; конкретнее, заметно было, как язык выныривает из-под нижней губы, словно рыбка гуппи на корм.

— Хорошо, я скажу, — сказал участник труппы, облизываясь, и выдохнул: — Мы едем точно туда же, куда и вы, — на концерт певицы-с. На этой же сцене мы будем выступать-с... Вот и всё.

Приятель Ж. вдумывался в его слова, потом опомнился:

— Кто — «мы»?

— Мы — то есть труппа, — сказал участник труппы.

— Кто же здесь ещё летит? Из вашей труппы? — поинтересовался приятель Ж.

Приятель Н. внимательно наблюдал.

Участник труппы обернулся на сотню градусов и отточенным движением кивнул на еврея.

— Здесь все выглядят, как полные идиоты! — заметил приятель Н. вдруг.

Приятель Ж. утвердительно промолчал. Впрочем, на еврея он не обратил никакого внимания.

— Хорошо, хорошо, возьмём это себе на ум, — сказал приятель Ж.

— Ну, так что? Где моя миниатюра? Я выполнил условия-с, — напряжённо напомнил участник труппы.

— Какие условия? Ты должен рассказать нам про певицу, — возразил приятель Ж.

— Ах! — ахнул участник труппы, — хорошо! Хо-ро-шо! Я лично не знаком с этой певицей, но видел её-с! Мы часто пересекались на выступлениях-с.

— Имя — имя скажи! — закричал приятель Н., размахивая руками, пытаясь планировать.

Приятель Ж. остепенил дурака.

— Спокойнее, приятель: спокойнее!

Участник труппы елозил языком по зубам, вытирая налёт, и приятель Ж. скривился от омерзения.

— Имя? Знаешь имя этой певицы? — спросил приятель Ж.

— Я слышал, как её представляют зрителям. Могу поклясться, что третья-с и четвёртая-с буквы её имени — «ро».

— Веро—... — задумчиво промышчал приятель Ж. — Веро—...

— Верона! — воскликнула дама в пиковом сооружении, хохолок на её голове. — Верона! Говорю вам — Верона!

Приятель Ж. резко разозлился и, подпрыгнув на месте, ударил даму в пиковом сооружении по щеке. Запульсировала красная пощёчина. Дама в пиковом сооружении трагично ахнула и закрыла лицо руками.

Приятель Ж., признаться, всплылил. Он уже пожалел. Правда, даму в пиковом сооружении утешать не стал.

— А что? — заговорил он возбуждённо, — надо же как-то ставить на место.

Самолёт погружался в такое настроение, какое живёт внутри бездушного человека. Неприятно описывать, неприятно рисовать... Ногти крошатся, девочки смеются. Смеются, я люблю, когда смеются.

Самолёт погружался в такое настроение...

— Приятель, приятель! У меня на сердце тягота! — мучительно выдал приятель Н.

Приятель Ж. сидел как неживой. Глаза переполнены слюной. Капилляры тонкие, как струна, под давлением. Морока. Голова болит, голова разваливается, как вулкан извергается.

— Приятель!

— Приятель... Эн! — закричала дама в пиковом сооружении. — Что с нами происходит? У меня слёз нет — я не плачу! Они исчезли...

Приятель Ж. каменел. Он подумал, что всё слишком запущено. Самолёт гудел.

Из туалета вышел приятель Ж. Свежий, новый... Таким он себя давно не видел. Шляпа на его голове отдавала неизведанный до этого блик, а пёрышко — как пёрышко. Он осмотрелся и увидел приятеля Н., который сидел-спал на своём месте.

Дама в пиковом сооружении куда-то исчезла.

Участник труппы в самом деле замолчал, играясь с драматической миниатюрой.

На еврея он не обратил никакого внимания...

Лишь безволосый Капчач Кале улыбался со своего места, держа чемоданчик.

Приятель Ж. направился к нему, занял свободное сидение, натянуто улыбнулся.

— Приятно видеть здесь вас, — сказал приятель Ж.

Капчач Кале странно на него посмотрел.

— Мы знакомы? — спросил он, раскрывая кулак на несколько секунд, дабы показать ладонку и интерес.

— Нет, видимо... — Приятель Ж. неловко осмотрелся. — Знаете, как

вас зовут?

— Не знаю! — рявкнул Капчап Кале.

— Как? — удивился приятель Ж.

Капчап Кале отстранился ближе к окну. Приятель Ж. посмотрел за него и увидел белые, пролетающие мимо облака.

— Красиво. Красота — вот так вот состязаться с птичкой, — сказал приятель Ж. после минутной тишины.

— И правда, — осторожно согласился Капчап Кале, — красиво. Вот так... А теперь скажите, будьте любезны, прямо: что вам нужно?

Приятель Ж. поднял плечи в недоумении.

— Что вы! я просто хотел поговорить с вами, — ответил приятель Ж.

— Со мной? Почему ж это со мной? На борту сотни людей! Сотни, сотни людей!

Приятель Н. подсканул:

— На Украину... ша-а-гом марш!

Приятель Ж. подсканул, испугался.

— Ах ты, идиот! — закричал приятель Ж., прикрывая лицо рукой.

Самолёт затих, все уставились на приятелей Н. и Ж.

У приятеля Н. стался жар; щёки покрылись контрастным румянцем, брови ощерились острой щетиной, под ушами крепчали волдыри. От такой картины приятель Ж. потерял дар речи.

Опомнившись, затрусил приятеля Н.

— Приятель! Приятель, что с тобой происходит? — жалобно цедил приятель Ж.

— Он в бреду! — впервые дал голос еврей, — не внимайте его словам, пока можете!

Приятель Ж. уставился на еврея.

— Пока можете! — не унимался он. — Исэнемесез!

Пилот попросил пассажиров по граммофону вести себя тише. Зашипела радиостанция. Неприятный звук взревел так: все пассажиры стали мычать и издавать громкие звуки негодования.

Приятель Ж. заволновался; сердце колотилось как безумное. Ещё этот странный и глупый еврей!

Забилось всё, что думалось. Приятель Н. терял сознание, мяк прямо в руках приятеля Ж. Он судорожно растерялся.

И тогда побежал в туалет, на руках держа своего умирающего приятеля... Н.

— Как всё по-дурачки! — сказал приятель Ж. — Что бы мы ни делали — всё по-дурачки! Мы — дурачки!

Приятель Н. лежал, подпёртый головою об стену. Кожа слазила.

— Всё будет хорошо, приятель, — сказал приятель Ж. — Главное сейчас — это выявить причину твоего жара. Я полагаю, что тебя возбудил какой-то аллерген, находящийся здесь...

Приятель Н. чихнул.

— Будь здоров, — ответил приятель Ж.

Приятель Ж. тоже упёрся об стену и замолчал. Так выглядит процесс раздумий.

Приятель Ж. встал.

Приятель Н. спал.

В кабинке туалета было не убрано: заметно, что здесь находилась женщина, подумал приятель Ж. Неясно, что привело его к таким мыслям.

Самолёт гудел.

Приятель Ж. достал из кармана нечто, что всё это время было скрыто от посторонних глаз: нож, взятый ещё с казармы.

Он посмотрел на приятеля Н. в последний раз.

— Если они не хотят помогать нам, приятель... — сказал приятель Ж., потирая нож.

И неповоротливо вышел из туалета.

Что-то пошло не так; собралась великая очередь, ибо приятель Ж., не пошевелившись с места, загородил путь в туалет. Толпа гудела. Самолёт гудел. Гудели все в салоне, и это действовало на нервы.

— Граждане! — всё кричал приятель Ж., — успокойтесь! Я уступлю место лишь тогда, когда вы скажете мне про Веро—!

А никто не слушал.

Приятель Ж., по-прежнему закрытый, спал крепким сном в объятиях Морфея.

Приятель Ж. взмахнул рукою с ножом, становясь в позу адмирала, который направляет коней на конюшни; пальцем в небо, как говорят у нас!

— Граждане! Мать вас бы побрала! — закричал приятель Ж. — Хватит! Убирайтесь вон, грязные люди! С проеденной молью душой!

Приятель Н. внезапно заклокотал в туалете жидким звучком. Шляпа так и вовсе болталась на крючочке-волосочке.

Приятель Ж. отвернулся на звук, нож в руке немного опустился и кто-то из пассажиров мастерским движением ноги отбил нож; в итоге тот пронзил стюардессу прямо в брюшную аорту. Да, стены действительно были в крови.

— Моему приятелю — люди добрые! — плохо! — гундосил как из тромбона приятель Ж. — Помилуйте! Он болен страшнейшею болезнью!

Тут-то женщины подошли, в платочках, в сюртуках да воротниках насаленных. Выслушать, мол, захотелось такого вот персонажа.

— Моему приятелю, — продолжал приятель Ж., — пришёл

жаришко!..

Все в салоне разнуздано рассмеялись.

Приятель Ж. прикрыл рот рукою, сомневаясь. Так прошло несколько минут.

Один пассажир из толпы стал выкидывать свои ноги, при этом делая вращательное движение назад. Приятель Ж. присмотрелся... и этим пассажиром оказался сам Капчап Кале!..

Безволосый каратель, подумали все.

И здесь приятель Ж. опомнился и вынул нож из стюардессы; принял боевую стойку, нацелил нож, согнул колени.

— У вас что, личная неприязнь?! — возмутился Капчап Кале.

Приятель Ж. оставался опасливым.

— Мы так и не договорили, уважаемый человек! — возмутился он ещё раз.

Приятель Ж. вновь услышал журчащий, агональный крик своего приятеля Н., отчего оскалился.

— Довольно! — заорал приятель Ж.

Он взмахнул рукою, своею волшебной ланитою: нож вспрыснул из рук как мыло да полетел; нескольким простакам сбило береты.

...А конечной целью ножа, по ужасным обстоятельствам, стала дама в пиковом сооружении, на мгновение выглянувшая из своего укрытия под сиденьями.

Дама в пиковом сооружении пала на колени. Её стан выпрямился, как при расстреле...

Пиковое сооружение... У неё волосы... Где оно?

— Где, мать его, пиковое сооружение?! — нечеловеческими усилиями закричал некто из толпы.

— Пошёл вон! — поддержал его некто из толпы.

Приятель Ж. опешил.

Он быстренько, как на льду, вертикально переместился вперёд. На полу, рядом с пиковым сооружением дамы, лежало фото: девушка, невероятно похожая на Веро—, целует малину в знакомом приятелю Ж. палисаднике!

Весь мир упал.

Самолёт перестал гудеть так громко, как гудел до этого, и приятель Ж. посмотрел в окно: крошечная ночь.

«Не может быть, — подумал приятель Ж., — совсем недавно я видел белые облака!»

Сознание вошло. Приятель Ж. начал созывать людей и приглашать их в туалет. Напуганные двойным убийством, они разбежались в разные стороны.

Граммфон пилота изнывал.

Капчап Кале поджал чемоданчик подмышку и свирепо побежал на зов.

Гувернантка уездного города NN завязала на плече белый платочек,

который сорвала у случайной советской женщины; извиняясь, она вручила ей картину Яблонской: «Хлеб». И побежала на зов.

Участник невероятной труппы побежал на зов, хотя его никто не звал.

V

Туалет закрылся на защёлку. Приятель Ж. стал заплетать замок крепкими цепями, доставая их из кармана ровно пуповину.

— Я собрал вас, — нервничал приятель Ж., — так как происходит нечто опасное. Мой приятель поник в бреду, его одолел жар. Галлюцинации, кома, гипнагогия... Прошу, прошу вас, людишко! Помогите! Мир сошёл с ума!

Гувернантка уездного города NN коснулась плеча приятеля Ж.

— Успокойтесь, сир. Я умею оказывать первую медицинскую помощь.

— Кто... кто вы? — с надеждой спросил приятель Ж.

— Гувернантка, — ответила она, налаживая мокрую марлю на лоб приятеля Н.

Приятель Ж. слабо улыбнулся. Он был очень уставшим.

Капчак Кале присел на свой чемодан, не забыв поправить воротник.

Участник невероятной труппы стоял в растерянности.

— Актёр! — крикнула гувернантка и, увидев участника невероятной труппы, сдержала смехок, — помоги сиру!.. Не дай ему потерять сознание!

Приятель Ж. в это время распластался на кафельному полу. Мерзкий жёлтый свет врезался в глаза.

— Протрите... — хрипел он, — протрите лампочку...

Гувернантка приподняла приятеля Н. за голову, поя водой.

— Бизнесмен! — крикнула гувернантка, — слышались? Срочно протрите лампу! — Она замолчала. — Я, кажется, понимаю, в чём дело.

Участник невероятной труппы и Капчак Кале выполняли поручения. На взводе были все. За дверями слышался злой гам, и люди стервенели, разбрасываясь вещами.

Гувернантка кинула взгляд на окно. И тут приятель Н., широко раскрыв рот, проглотил много воздуха, будто рыба. Вздохи и выдохи приятеля Н. были откровенно комичными. Гувернантка ухмыльнулась, смотря на него с материнском любовью.

— Сон! — воскликнул безумно приятель Н. — Мне снился... еврей...

Гувернантка была умилена и не слушала приятеля Н.

Приятель Ж. находился в агональном состоянии. Истощение было настолько сильным, что приятель Ж. даже не сознавал пробуждение своего приятеля.

Участник невероятной труппы подложил под голову приятеля Ж. что-то мягкое и, с ощущением выполненного долга, встал.

Капчак Кале закончил вытирать лампочку. Жёлтый свет превратился в палевый. Капчак Кале подобрал свой чемоданчик и сел рядом с гувернанткой. Умилению не было предела.

— Что же случилось с ним? — поинтересовался Капчап Кале.

Лицо гувернантки переменялось на серьёзное и ухаживающее.

— Припадочная болезнь, — сказала гувернантка. — Когда не можешь найти смысл ночи...

— Какой ещё смысл ночи? — спросил Капчап Кале.

— Откуда же мне знать её смысл? — ответила гувернантка.

Капчап Кале замолчал в смятении.

— Вам не стоит будить лихо, — продолжила гувернантка. — За окном ночь. Но токмо проснётся сир... я полагаю, он скажет, что за окном — день. Они чувствуют время асинхронно. У него, — она кивнула на приятеля Н., — страх грязного света. У одного дедули, за которым я ухаживала, было нечто подобное. Он видел в «не чистом» свете чёрный сор.

Капчапе Кале был очень увлечён.

— Какая, однако, глупость! — посмеялся он.

— Не глупость! — возразила гувернантка тоненьким пальцем. — Поверьте, на своём веку я многое повидала. И не такие болезни я слышала от стариков.

— Значит, это страх ночи?

— Это... не добровольное желание найти смысл ночи. Когда тебе страшно, ты пытаешься не знать причину своего страха. Но он, — она вновь кивнула на приятеля Н., — он знает причину своего страха. И оттого впадает в припадок.

— То есть он знает, почему ему страшно, — вопрошал Капчап Кале, постукивая по чемоданчику.

— Как знать, — ответила гувернантка.

Приятель Н. начал говорить громче обычного, тем самым нарушив волну диалога.

— Самолёт в беде! — сказал приятель Н.

Гувернантка улыбнулась, умилилась. Она уложила голову приятеля Н. на свои коленки и прикрыла его тяжёлые веки.

— Как знать... — повторила она в задумчивости.

— Как я понимаю, воспринимать слова человека в таком припадке — не стоит? — спросил Капчап Кале.

— Конечно, не стоит, — согласилась гувернантка, — но иногда происходит, так скажем, ирония судьбы: когда человек видит правду не в настоящем моменте.

Капчап Кале задумался:

— Правду, говорите?

Приятель Н. вскрикнул и оторопел.

— Встречайте генерала У.! — сказал приятель Н. — Флигель-адъютант!..

Гувернантка вновь уложила приятеля Н. на свои коленки, но в этот раз накрыла его лицо шляпой с пером, которую плавно стянула с его тёплых волос.

— Это смысл ночи.

Приятель Ж. пришёл в себя. Конечно, состояние нельзя было назвать стабильным.

Участник невероятной труппы, гувернантка и Капчип Кале, точно при параде, стояли вокруг лежащего приятеля Н., который нет-нет да говорил больным ртом.

Приятель Ж. услышал что-то... Он быстро надел упавшую шляпу и проскользил к приятелю Н.

— ...еврей, в двигателе спрятал... — кряхтел приятель Н., — взрывоопасный предмет...

Приятель Ж. приложил к своим губам наполняющиеся кровью пальцы.

— О чём он?! — закричал приятель Ж. Лицо обезобразилось.

Гувернантка осадила приятеля Ж.

— Кажется, о своём сне, — спокойно сказала она. — Продолжительное время он находится в бреду и говорит о некоем еврее, который спрятал в двигателе самолёта взрывоопасный предмет.

Гувернантка выглядела довольной.

Участник невероятной труппы заметно устал.

Приятель Ж. взялся за голову, вся жизнь пролетела перед его глазами. Он мастерским отскоком от пола встал на ноги и, менее мастерски, стал искать в своём глубоком кармане ключ от цепей. При этом слышалась обценная лексика.

Гувернантка отряхнула свои плечи от невидимой пыли нависшего груза.

Капчип Кале, защёлкивая случайно раскрывшийся чемодан, впервые за всё время присмотрелся к гувернантке.

— Гувернантка, — начал он, — расскажите немного о себе. — Он скрыл подозрение в голосе. — Мне кажется, с вами что-то не так.

Гувернантка по-детски подбоченилась.

— Я перед вами. Вся моя история перед вашими глазами. А вообще, — она очертила лицо ладонями, — я сравниваю себя с Анной Кирилловной

Капчапе Кале ничего не понял.

— Я бессмертна. Я гувернантка уездного города NN, — сказала она безнадёжно.

Капчип Кале, выявив в её словах шутку, рассмеялся деловито-нароচিতо. Гувернантка в момент подхватила смех. Он продолжался до тех пор, пока приятель Ж. с радостным восклицанием не отпер двери.

Приятель Ж. помчался вдоль пустых сидений...

Капчип Кале так ничего и не понял, подумала гувернантка, и побежала приятелю Ж. вдогонку.

Еврей был в предвкушении. Его злостный план вот-вот

осуществится!.. Но тут приятель Ж., точно сверхчеловек, ворвался прямо в его лицо.

Еврей упал.

— Признавайся! — победно вскрикнул приятель Ж. — Признавайся в минировании самолёта!

— Признаюсь!.. — только и успел сказать еврей, как его лицо вновь подверглось удару.

Вмешался участник невероятной труппы:

— Мне кажется, или последние сцены выглядят очень глупыми-с?

— Что значит «глупыми»? — спросил приятель Н., появившийся. Шляпа на его голове была.

Участник невероятной труппы взял свои слова обратно.

— Стойте же, стойте! — Еврей встал, надел очки. Вся одёжа вымазана самолётным полом. — Да, заминировал я, заминировал!.. И взорвать могу в любой момент!

Еврей злорадствовал.

— Вы глупцы! глупцы! — вторил еврей, — ваша жизнь зависит всего от одной кнопки!

Приятель Ж. выставил руки в знак протеста.

— Условия? — спросил приятель Ж.

— Глицериновая машина, — ответил еврей.

Приятель Ж. махнул рукой, таким образом разрешая работникам приступать к постройке. Все остались на своих местах.

Растерянный Капчак Кале. Его чемодан с громким щелчком раскрылся, и всё мыло, находившееся там, вывалилось на дорожку.

Только после этого началась суматоха.

Все пассажиры начали что-то делать, куда-то залезать, чем-то заниматься. Один уже колотил деревянный каркас для глицериноприёмника, второй обозначил чёрным карандашом периметр выхлопных труб. Так и работали.

Приятель Ж. указал на происходящее с гордостью.

— Спокойнее, еврей, — улыбнулся приятель Ж., — твои условия выполняются.

Еврей смутился, но обрадовался.

— А на кой чёрт вам нужна глицериновая машина? — поинтересовался Капчак Кале. — И почему работники воруют моё мыло? Мыло не является ингредиентом для создания глицерина!

— Неважно! — отрезал приятель Ж. — Главное — условия.

Внезапно пассажиры расступились, послышались тихонькие шаги, как при беге. Это были пилоты.

Пилоты выставили руки перед собой, словно дирижёры.

— А кто там? — одновременно спросили они.

Приятель Ж. успокоил пилотов и рассказал им ситуацию.

— А, вот оно что! — одновременно сказали они.

— Постойте-ка! — вмешалась гувернантка, — а кто управляет

самолётом?

Приятель Ж. повернулся на пилотов, его лицо покраснело от злости.

— Автопилот! — сказали пилоты одновременно, подпрыгнув.

Приятель Н. ступил ближе:

— Куда?

Пилоты посмотрели друг на друга, поджали губы.

— В Корк, — сказал один из пилотов.

Приятель Ж. вытянул шею:

— В Корк?!

— В Корк, — подтвердил второй из пилотов.

Приятель Ж. взорвался:

— Ты, ты! Пилотко! — Приятель Ж. закружился на месте от бессилия. — Какой ещё Корк!

Капчач Кале всё это время пробирался через строительные леса и кучи инструментов.

— Не беспокойтесь! — бросил Капчач Кале и достал из фрака телефон. — Достаточно сделать лишь один звонок!

Капчач Кале за несколько секунд связался с министерством управления полётами. Объяснив ситуацию, Капчач Кале пожелал диспетчеру хорошей работы и отключился.

Спустя несколько минут самолёт заметно покосило в воздухе.

— Мы приняли верный курс, — сказал Капчач Кале.

Договорились с евреем. Конечно, кое-какое время пришлось подождать; пока окончат строительство глицериновой машины, пока самолёт совершит посадку в аэропорту, пока успокоятся недавно взбунтовавшиеся пассажиры...

Приятель Н. и приятель Ж. находились на своих местах, как и все остальные. Пилоты быстро очистили стены и пол от крови, вынесли два трупа.

Еврей был в очках, стоял возле глицериновой машины и пальпировал: кажется, ему понравилась работа. Но включал ли он её?

Внезапно послышался женский голос, и Капчач Кале вздрогнул:

— Та женщина, что умерла от проникновения ножа, — начала гувернантка. — Я её знаю.

Капчач Кале кивнул.

— Я летела ухаживать за её мужем, — продолжала гувернантка. — Представляете?

Капчач Кале вновь кивнул.

— Она осознала какую-то опасность и спряталась, — не унималась гувернантка. — Возможно, услышала про свою дочь. Интересно, куда она летела? На концерт?

Капчач Кале не двинулся.

— Стоит заметить-с, что именно дама выкрикнула странное

«Верона!», когда те двое оборванцев угадывали имя певицы, — вмешался участник невероятный труппы.

— Она летела в Верону? — спросил Капчап Кале.

— А не в Вену ли? — спросил участник невероятный труппы.

Гувернантка удивилась:

— Нет! Самолёт имеет конкретное направление. — Гувернантка поправила складки платья. — Я увидела её розовые волосы. Вот почему мне кажется, что это мать Веро—.

— У Веро— розовые волосы? Откуда вы знаете? — спросил Капчап Кале.

— Фотография, — ответила гувернантка и достала фото в форме трубочки из волос. — Я успела схватить фотографию, когда женщина упала. Ну, и когда никто не видел.

Капчап Кале расстроился:

— Юная певица потеряла кормилицу.

Гувернантка пожала плечами, мол, «как оно есть».

Помолчали.

— А вы, как я понимаю, — начала гувернантка, — бизнесмен? Продаёте мыло?

— Перепродаю, — ответил Капчап Кале. — Скупаю по дешёвой цене, а продаю гораздо дороже.

— Хочешь жить — умей вертеться... — заключила гувернантка.

Капчап Кале погладил лысину. Он увидел, как гувернантка собралась что-то спросить и опередил её:

— Потерял их во время чемпионата Кубы по борьбе.

Гувернантка закивала с грустной улыбкой.

— А вот вы — куда вы летите? — спросила гувернантка.

Тут Капчап Кале был ошеломлён. Действительно, куда он летит? К Веро—!

— К Веро—то я и лечу! — сказал Капчап Кале возбуждённо. — Пришёл заказ, вручить мыло в руки какой-то певицы, пятое-десятое, ляля-тополя... Как оно выходит!..

Гувернантка приобняла Капчап Кале.

— Не беспокойтесь. Не вам уведомлять о смерти матери...

— Ты, еврей, чудотворец, — сказал приятель Ж. — Глицериновую машину захотел. Так в самолёте!

Приятель Н. похохотал.

— Я мыльный магнат, — сказал еврей и снял очки. — А это моя благодарность и компенсация за неудобства, — и протянул очки приятелю Н.

«Еврей... — подумал было приятель Ж.».

— Эти очки имеют несколько функций. — Еврей приступил к демонстрации: — Лечение астигматизма, близорукости, конъюнктивита

и отслоения сетчатки. А также одну, мне неизвестную...

Приятель Н. принял подарок, спрятал очки под пальто.

— Кто ж вы за человек... — с интересом сказал приятель Н.

— И летит, видимо, не знает куда! — подхватил приятель Ж.

— Нет, — отрезал еврей, — я лечу сносить театр. Построить там синагогу. Видите-ли, государство очень неохотно выдаёт мне акцепт. Я всего-лишь иду к своей цели. С помощью терроризма у меня получается добиваться того, чего не получается добиваться у миролюбивых.

Приятель Ж. аккуратно окончил беседу, приятель Н. последовал примеру.

Граммфон вещал: «Пожалуйста, приготовьтесь к посадке».

Приятель Ж. обсуждал с приятелем Н. даму в пиковом сооружении. Они, как похоже, не совсем понимали, кем эта женщина приходилась Веро—.

Участник невероятной труппы время от времени доставал свою драматическую миниатюру и игрался ею. Становилось скорее любопытно, чем интересно: что за драматическая миниатюра? Ответить на этот вопрос, конечно, нельзя.

Гувернантка и Капчип Кале исчезли в туалете сорок минут назад. Причём очереди не создавалось, а значит, что ребята там и вовсе отсутствовали.

Однажды приятель Н. зашёл в странную каморку под сиденьем, где горел жёлтый свет. Зайдя в очках, он не придал значения тому факту, что свет ужасно неубранный. Тогда он и задумался.

Пропадал в каморке на несколько минут. Когда вышел, отчаянно рассказывал приятелю Ж. о удивительной способности своих очков: фильтровать свет.

VI

Самолёт совершал посадку. Приятель Ж. обнял приятеля Н. и, улыбаясь, смотрел в иллюминатор. Облака всё ниже, и вот полоса горизонта темнеет, темнеет... Виднеется земля. Неравномерные клочки полей. С души скользкой слизью сползла ноша.

Коснувшись взлётной полосы, самолёт резко остановился. Пассажиры начали гудеть, смеяться, радоваться новому солнцу. Кто-то с откровенной неприязнью закрывал «Зубчатые колёса» в самом начале чтения.

Приятеля Н. и Ж. прощались: гувернантке уездного города NN поцеловали щеку, пожелали оставаться такой же хорошенькой; участнику невероятной труппы «Веселье и трагика» подправили сплавившийся грим, а потом, правда, отобрали драматическую миниатюру; Капчип Кале только и делал, что профессионально смеялся на все сказанные приятелями комплименты; похороны дамы без пикового сооружения они обещали профинансировать.

Тогда и вышли. Яркое курортное солнце ослепило, после чуть ослабило хватку, дало вдохнуть. Люди как своры собак, все в гавайских рубашках, в японской обуви дзори, в чёрных платьях с пышными рюшами.

— Спорить не буду — город жаркий, — сказал приятель Ж.

— Да, спорить не нужно, так как всё видно. Курорт. Прибрежный ловец тепла, — согласился приятель Н.

— Что-то жарковато, — сказал приятель Ж.

Приятель Н. кивнул, соглашаясь.

Пальто никогда не спадёт с их тощих торсов.

Приятеля случайным образом забрели на пляж.

Красочные зонты, шезлонги, какие-то неизвестные науке лавочки. Это всё так трогательно, когда впервые. Вот спросить у приятелей, зачем они пришли на пляж, — умолчат. Умолчат, и всё тут! Что ещё делать, когда концерт перенесли на целый день.

— Целый день, приятель, — сказал приятель Н.

— Целая неделя... Нескончаемый день... — сказал приятель Ж. — И полгода — беззвёздная ночь.

— Красиво сказано, — сказал приятель Н. — Сам придумал, авось?

Приятеля упустили что-то.

— Что «авось»? Да.

— Что-что?

— Давай перекроем наш диалогек.

Пляж горел радостью.

Приятель Н. подсобил приятеля Ж. в идее искупаться.

Не снимая пальто, приятели Н. и Ж. юркнули небольшими рыбами вовнутрь глади. Плескались. Смотря на пляж, видели, конечно, оживление, но на него не обращали внимания.

— Приятель, — начал приятель Ж., — давай нырнём под воду и задержим дыхание. Посмотрим, кто дольше продержится.

— Хорошая идея, приятель, — ответил приятель Н., уже погружённый по шею.

Их пальто не тонули всё время, плавая на поверхности, будто крылья. Потом и они исчезли под мутной, но по-своему чистой водой.

Приятель Н. вынырнул первый. Люди на пляже собирали манатки и, как показалось приятелю Н., уходили домой. Надвигались серые тучи.

«Не хватало ещё дождя, — подумал приятель Н.».

Напыщенное влагой пальто приземлило приятеля Н. к песку. Ползти было трудно, ноги не слушались, тряслись. Голубоватые ладони оставляли свой след.

На приятеля Н. в одно мгновение напала очень неприятная мысль: о том, что скоро закроется киоск с мороженым. Не важнее ли это в данную минуту? Приятель Н., дойдя до берега, забрал ниц лежащую записную книжку приятеля Ж.

Потерял, подумал приятель Н.

В киоске подрабатывала молоденькая женщина. Приятель Н. поступил прямолинейно — оскорбил женщину из-за её неудачно вписывающейся жёлтой панамы. Женщина улыбнулась, обиделась. Продавая мороженное приятелю Н., буркнула, что не ожидала грубостей от такого молодого человека. Приятель Н. успешно проигнорировал высказывание и побрёл по пляжу.

Где-то на пятой минуте ходьбы оступился, заковылял ступнёй, и мороженное, таявшее жидким мелом, струящееся по рукам, случайно упало. Приятель Н. предупредительно крикнул девушке, раскинувшей вальжным пятиугольником на полотенце. Сначала капли коснулись её горячего оголённого плеча, затем увесистый комок упал на волосы, затёк в нос, и девушка закашлялась очень надрывно, потом заплакала, стала трусить полотенце, а сама прерывалась на знойный кашель.

Приятель Н. не выдержал нервов. Пошёл дальше.

— Сегодня солнечный день! — взывал купец.

Приятель Н. незамедлительно одёрнул:

— Для кого — солнечный, для кого — беда на голову!

— Это моя работа, — ответил купец.

— «Купец», — передразнил приятель Н.

— Скупайте у меня вкусные блюда с Ближнего Востока!

Приятель Н. топнул ногой:

— Какие?

— Люля-кебаб, — ответил купец и преподнёс приятелю Н. на подносе идеально поджаренную вкусность.

— Я не буду есть, — ответил приятель Н.

— А другие? — с насмешкой спросил купец. — А другие — будут! Налетай, люд!

Приятель Н. набросился на паркий люля-кебаб, сдал первый-второй слой зубами и поел. Купец насторожился.

— Ох, голодный, жадный, скупой человек! — кричал купец, показывая надкусанное блюдо на подносе. Тут он заметил загорающего полуголого мужчину на шезлонге: — Я вижу, вы отец! Не хотите ли отцовской губой притронуться...

— Замолчи! — перебил приятель Н.

Он подошёл к отцу; отец смотрел на него с приоткрытыми губами, уже готовясь съесть люля-кебаб.

«Что это хохмач выкинет? — подумал отец. — Идёт медленно, стыдно скрипит песком».

— Вы — лысый, но... я заметил небольшую розовую проседь, — сказал приятель Н.

Отец кивнул:

— Да.

— Неужели вы тот, за кого себя выдаёте? — спросил приятель Н.

— Хохма, — рассмеялся отец. — Отец отцом.

Пупок на его животе как-то неестественно сократился.

— Вы случаем не с аэропорта? — спросил отец. — Я жду гувернанточку.

Приятель Н. удивился.

— Не спрашивайте меня про аэропорт! — отрезал приятель Н. Так отрезает человек, вспомнивший что-то болезненное.

— Моя супруга также собиралась прилететь, но не сказала когда, — сказал отец.

— Супруга? У неё, вероятно, странный жёсткий хохолок на голове? — предложил приятель Н.

Отец засмеялся: мол, да.

— И ваша дочь — известная певица, чей концерт перенесли на следующий день? — продолжал приятель Н.

Отец встал, радостный, хлопнул пузом о пальто приятеля Н. при объятии, гортанно рассмеялся. То было братское родство.

— Ай, ай, куда ты подбираешься! — задорно сказал отец, усаживая приятеля Н. на свой шезлонг. — Действительно. Действительно, имею дочь, звезда эстрады, молодая, красивая, фигуристая, а ум-то какой! Ты знаешь, какой у неё ум? Рыбалку любишь? У нас родственники есть...

— Подождите! Остановите коней. — Приятель Н. снял шляпу, вытер

ею пот. Слова отца о гувернанточке до сих пор крепчали в мозгу тошнотой. — Ваша супруга маленького росточка, да?

— Да! — подвёл отец, — моя супруженька! Говорила по телефону, что прилетит на концерт нашей дочери. Вот я её и жду. В этом месте — хохма — мы познакомились. Да и я вообще мужчина не безалаберный, просто захотел выпить.

— Господь! Господь! — осенило приятеля Н. — Она умерла! Она не воскреснет! И мы её убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смоет с нас эту кровь?

Отец воспринял речь приятеля Н. анекдотом и захныкал в улыбку, точно восприимчивый младенец.

Приятель Н. собрался с мыслями:

— Как её зовут?

Отец перестал смеяться:

— Кого? Супругу? — Начал припоминать. — Верона.

Приятель Н. вымочил рукав пальто об подмышечную влагу. Видно, сильно нервничал.

— А как зовут, — медленно приближался приятель Н. к ответу, — вашу дочь?

Отец побледнел. Казалось, что волны успокоились и сейчас унесутся вечным отливом.

По началу коротко приоткрылась верхняя губа, как бы готовясь запустить звук в мельницу. Нижняя не то чтобы приоткрылась, но слегка отворилась, всосала воздуха и осушила нёбо.

— Не томите! — возопил приятель Н.

— Вероник...

Большой округлый живот отца начал двигаться то взад, то вперёд, а горло никак не могло выкашлять из себя инородное тело.

— Мне бы таблетку... — хрипел он. — Позовите гувернанточку! Она мне должна была таблеточку дать...

— Где я возьму гувернанточку на пляже? Она летела с нами — да! — истерил приятель Н., — летела, помогла мне даже! Я чуть не помер там, в туалете! Свет чёрный! Ты, папашко!

Отец потерял сознание и упал тяжёлой тушей со шезлонга. Поднялись клубы песчаной пыли.

Приятель Н. стоял, потом со всей силы пнул ногой мягкое тело отца. Затем, покорённый совестью, вызвал носильщиков, заплатил им, конечно, указал случайный адрес и, неспешно прогуливаясь вслед носильщикам, восстанавливал дыхание.

Рыженький камин освещал мрачную комнату. В кресле сидел отец. Напротив него, в другом кресле, сидел приятель Н. Почему-то полутон его одежды выглядел так нечеловечески.

— Вероник—... — Приятель Н. сглотнул. — Или всё же Вероник? Это полное имя твоей дочери, отец?

— Вероник... — и снова его прервала мясная тряска. — Гувернанточку бы...

Приятель Н. не давал себе повода улыбаться. Всё зашло слишком далеко. Но изредка улыбался, так как было смешно; брал в исключение.

Отец молчал.

— Гувернантка ваша уже не придёт, — отрезал приятель Н. — Расскажите мне о вашей дочери. Незамедлительно.

— Гувернанточку! — настаивал отец. — Мне с сердцем плохо. Не дай бог — помру!

Приятель Н. понял, что времени катастрофически недостаточно.

Размяв руки, приятель Н. отчеканил:

— Полное имя вашей дочери не позволяет высказаться из-за какого-то проклятия? Я разговаривал с вашей супругой. С дамой в пиковом сооружении. Она погибла! Мой приятель пронзил её ножом в самолёте. Но он не знал, кого убивает... Он разговаривал с ней! Но тогда она была больной женщиной. Гулящий характер, небрежное отношение к учёбе... Что-то тебе знакомо, отец?

Отец выставил наружную сторону ладони, приказывая остановиться.

Приятель Н. макнул перо в чернила, открыл записную книжку приятеля Ж.

— Я не участвовал в её жизни, — через боль сказал отец. — Но я её отец. — Кольнуло сердце. — Гулящий характер? — гулящий. Пропускала школу лишь для того, чтобы больше побрынчать где-то на рассвете, — она уходила из дома рано утром, — и, нажравшись малины, долго сидела на унитазе...

Записав, приятель Ж. прервал:

— Довольно! Я что — хохмочка тебе? Отец, говори прямо: имя, имя называй!

— Вероник...

— Повторяй! — давил приятель Н.

— Вероник...

Каждое новое повторение давалось отцу тяжелее и тяжелее.

— Это полное имя? Ты, жиртрест-недоумок! — давил приятель Н.

— Нет! — клюнул шеей отец.

— Веронико? — давил приятель Н.

— Нет! — заклевал отец.

— Назови имя! — давил приятель Н.

— Нет, нет, нет!.. — заклевался отец.

Приятель Н. слегла успокоился, так как увидел бледнеющую кожу отца:

— Скажи хоть что-то! Отец!

Отец скатился с дивана. Его лицо освещал эпилептический припадок огня и теней оногo.

— Жуско! Собака... Жуско.

И помер, прегромко ударившись головой об полено. Начал гореть.

Приятель Н. испугался и побежал прочь. В дверях, только он к ним приблизился, встала знакомая фигура: гувернантка.

Своими трясущимися губами она спросила:

— Неужели?..

Но приятель Н. оттолкнул её, пронёсся мимо. Гувернантка разбила голову и умерла.

VII

Приятель Ж. начал икать: кто-то вспоминал. Притом он лежал так, что проплывавшие совсем недавно рыбаки приняли его за утопленника; тыкали в него палками, плевались. Благо, обновляющийся прилив смыл нечистоты.

Приятель Ж. проснулся, что странно, от непривычной пустоты на голове. Когда потрогал голову — убедился, что шляпы нет. Походил, почистил пятки от прилипших кристалликов, приятно отчихался.

Сейчас к нему подступила коварная эмоция — серый страх. Серый страх опасен тем, что не имеет чёткого цвета — белого или чёрного. Серый страх изначально подвержен градации; другие, более радостные чувства или, наоборот, более плохие — не могут повлиять на состояние сознания. Приятель Ж. лишён способности осмысления в первую очередь, во вторую — лишён обоняния, и лишь в третью очередь, что прискорбно, шляпы.

Вдали приятель Ж. заметил крохотную рыбацкую хибарку, и причал, кажется ему, довольно велик! Нужно быть законченным дураком, чтобы не заметить это.

На причале сидел рыбак, а подле него девчонко. Язык так и норовит бросить «крольчёнко». Маленькая, беленькая волосами, девочка сидела возле своего деда-рыбака и смотрела за происходящим. Впрочем, когда приятель Ж. осторожно подошёл ближе, то услышал непрекращающиеся нотации от девочки. Это его обрадовало: никак не доходили руки до экстремистского ликбеза.

Вот что слышалось:

— Деда, ты повыше держи удочку.

— А ну! Как захлопнется твой роток! Ты не учи дедушку. Дедушка сам знает.

— Ты дурак. Ты ничего не можешь знать, деда, — и отобрала удочку.

Приятель Ж. наострил уши.

Рыбак по-юношески застонал, один раз кашлянул (скорее из-за болезни, чем ситуации).

— Зачем ты суёшь свой горбатенький нос туда! — сказал рыбак, сдаваясь.

— Деда, я сейчас освобожусь и твою сливу возьму в жменю.

— Что ты говоришь, ты, внучка?

Внучка дала пощёчину.

— Не делай так, внучка! — дед сухо заплакал.

Приятель Ж. не мог не вмешаться:

— Внучка, ты, ты! Зачем ты это делаешь?

Внучка повернулась. На её щеке — след четырёхпалой ладони.

Приятель Ж. ахнул.

Приятель Ж. сидел в рыбацкой хибарке, вокруг — рыболовная семья.
— Как неудобно получается, когда не знаешь контекста! — приятель Ж. натянуто улыбнулся.

Внучку и деда обрамляли отец и мама. Проще говоря — Рыбацкие. Со слов главы семейства, Рыбацкие поселились на берегу островка десять лет назад, когда с командой совершали зимовку во льдах. Получилось совершенно не так, как планировалась: зимовка закончилась, а к тому времени Рыбацкие уже построили себе хибару. Приятель Ж., конечно, рассмеялся в тишине застолья; осуждённый коллективно, но обрадованный. Большой военный фрегат отплыл обратно, а семья занялась ловлей рыбы. Место, как говорят Рыбацкие, здесь очень подходящее. Говоря это, внучка подмигивала главе семейства своим левым глазом. Как выяснилось (после того, как приятель Ж. проявил к внучке недоброжелательность и свойственное отвращение по отношению к детям), в глубоком детстве внучке что-то попало в глаз, теперь она не видит им и постоянно мигает.

Глава семейства — рыбак хоть и профессиональный, но не мастер. Этот титул занят дедом, который за всё время выловил больше сотни рыбёшек. Он гордился этим, упоминая заслуги за столом каждый раз, когда давалась возможность.

Мама постоянно ворошила волосы внучки. Известно, что внучка — больная на голову. Аутоагрессия: порезанные руки, покусанные запястья, ожоги на ареолах.

«Какая смешная, нелепая, бесполезная семья! — подумал приятель Ж.».

— У вас возле причала есть лодка? — спросил приятель Ж.

— Да. — Глава семейства ударил бёдрами маму, приглашая в постель.

Тут приятель Ж. очень сильно удивился, порозовел. Быстро, раскинув руки через весь стол, закрыл глаза внучке.

— Вы все круглые идиоты! — закричал приятель Ж. — Дед, за мною.
— Он схватил деда за руки и повёл прочь из хибарки.

Дед и приятель Ж. вышли, споткнувшись. Уселись в лодку. Дед под выкрики и угрозы приятеля Ж. взял вёсла и, глотая кончиком языка капельки пота, поплыл.

Приятель Ж. закончил читать книгу анонимного философа.

Дед попал в шторм. Убили ската. Неладно было. Во время плавания дед хотел было совершить самоубийство, став приманкой для ската, однако скат умер прежде. Глупо получилось.

Всё закончилось пополудни. Тогда, когда лодка остановилась у обетованной земли. Дед оставил лодку на привязи, а сам скоренько побежал прочь в темноту глинобитных домов.

Приятель Ж. окликнул деда, спросив, куда ему направляться. Дед повернулся, сильно наклонился и, не останавливаясь, крикнул:

— Корнюшины!.. К собачонке!..

Приятель Ж. стал на асфальт, приятно вдохнул знакомого градостроительного воздуха. Морской бриз ниспослал ветер, а ветер принёс приятелю Ж. шляпу, которую он крепко словил и надел. Сейчас он выглядел круто!

Приятель Ж. исчез впотьмах заката.

Приятель Н. проявил небольшую смекалку и раздобыл автомобиль: компактный грузоподъёмник, который украл у строителя на системе. Дорога пролегла совсем не городская: пышные зелёные кусты, деревья — где-то только цветущие, розовенькие, а где-то совсем зрелые, тёмные. Худые, но рослые тополя шелестели у неба под ухом. Трава устилала собой землю, как мох стены; и трава была совершенно вкусной. Сырости не наблюдалось. Безоконный грузоподъёмник позволял обдуть лицо приятеля Н. Он улыбался.

Скорость была маленькой. Приятель Н. не злился, наоборот, радовался. Загородная местность.

Повернёшь затёкшую шею налево — увидишь огромное племя коров, которое направляется в одну чёрную точку, кажется, к фотографу... Повернёшь голову направо, а шею оставишь налево, — увидишь деревеньку и танцующих там хороводы деревянных невест, которые горели, как факелы, и своими ступнями орошали землю неизвестными хворыми семенами.

Прямо — туда смотрел приятель Н. чаще всего — находились соломенные крыши, отороченные верхушками бора: огромный лес простирался там. Пахло хвоей, малиной, вылеченным туберкулёзом, опилками, мокрым котом.

Арка: «Село».

Приятель Н. удобно положил руки на рычаги, приготавливаясь к въезду.

Приятель Ж. застыл на просёлочной дороге, когда обнаружил, что его записная книжка в кармане отсутствует. Он осмотрелся, не веря своим рукам, словно это могло что-то изменить. Изнервничавшись, начал глубоко дышать.

Просёлочная дорога была в сильном упадке: лоза покрыла бетонные плиты-стены, налилась тускло-розовым оттенком. Цепкий бурьян рвал волосатые ноги, если какой дурак бы забрёл сюда в шортах. В особенности, если в шортах. Справа — большой бронхиальный завод, вольготно копящий, что-то себе надумавший. Приятель Ж. решил быстро его пройти.

Миновав заброшенные железнодорожные пути, аккуратно уместившись боком в ржавом заборе — вышел на условно лесную прогалину. Справа — большой холмец, на верхушке которого росла яблоня. За ним, вероятно, начинались дачные дома. Слева — противная бетонно-плиточная ограда. Он прошёл её вновь.

Тропинка утончалась. Приятель Ж. вдруг остановился, прижал шляпу к голове, будто она могла внезапно улететь порывом ветра. Присмотрелся: на поросшей ежевикой обочине, как бы в кустах, сидели на корточках две девоньки и мочились. Приятель Ж. инстинктивно полез в карман, но тут же опомнился: подзорной трубы не оказалось. Поборов уплотнённое вуайеристское желание, приятель Ж. метнулся мимо них, стараясь не замечать разговоры и смех.

Где-то вдали гудела машина. Звук был за той стороной плит. Приятель Ж. полез в карман, задержался там, обнаружил сигнальный пистолет. Выстрелил в небо. Звук за плитой прекратился — вместо него слышались убегающие шаги.

Знакомый топот, подумал приятель Ж., и прыжком повис на плите. Небо только-только пришло в себя после красного всплеска. Когда приятелю Ж. таки удалось перебраться через ограду, он увидел арку «Село».

VIII

Глазам непривычно такое счастье. Здесь не ступала нога человека, — ибо как иначе объяснить красоту ландшафта? Приятель Н. проезжал по длинному асфальту, минуя магазин и пасущихся коров; именно их он видел недавно. Приятель Н. удивился скорости хождения коров. Интересно, что и пастуха не было рядом. В общем, несурaziца, подумал приятель Н. Он опустил рычаг к полу, задвинул какой-то засов, и тем самым свернул направо. Щебневая тропа плавно уходила вниз.

Приятель Н. вздрогнул от громкого хлопка, прозвучавшем где-то в небе.

Приятель Ж. добегал до странного дома, который сам и выбрал. Местные жильцы встретили приятеля Ж. резко негативно, забросали его томатом, бранили. Один мелкий клоп преградил приятелю Ж. путь, говоря, что «следующий домишко очень опасен — там живут Корнюшины».

Приятель Ж. остепенился, сел на корточки и захохотал. Будет ещё указывать, что делать, а что не делать какая-то дворовая вошь!

Клоп только и махнёт членистоногой лапой: мол, я не вошь.

Приятель Ж. постучал в калитку с львом и его кольцом в носе. Сразу бросилось в глаза неряшливое отношение селян к своему крову: поросший невесть чем огород, рухлядь вместо дверей и забора, противенький цвет травы; не обозвать жёлтой, не обозвать зелёной. Приходит на ум, что земля чем-то заражена.

Спустя десять секунд калитку открыла потусторонняя сила. Приятель Ж. вошёл, глаза по пять копеек: ветра-то нет. Один лишь собака, большой и лохматый, белый, сидит у своей будки в позе сфинкса. Неужто он открыл калитку? Приятель Ж. не мог в это поверить и предпочёл идти дальше, пугаясь рёву где-то вдали.

Приятель Н. в это время проезжал мимо высокого тополя. Впереди увидел маленькую вошь, которая, явно обидевшись, сидела на траве; тут-то, дескать, живёт падаль, к которой приятель Н. и направлялся. Ускорив грузоподъёмник, повернул шляпу, смочил перо слюной. Он крут!

Приятель Ж. в паническом страхе бежал от источника моторного рыка. Ужасу не было предела. Особенно пугала атмосфера двора, которая, как кажется всем, непередаваема скудными словами. Здесь

нельзя жить спокойно, здесь нельзя, попросту невозможно, чувствовать себя в безопасности!

В слепом страхе приятель Н. нырнул в первое попавшееся квадратное здание, коим оказалась будка. Собака внутри громко взлаял, словно ему наступили на хвост.

Приятель Н. бросил грузоподъёмник и, крича, вломился через открытую калитку. Его напугала девчонка, несущая на свои горбах десять литров воды, видимо, из местного колодезя. Увидев такого человека, как приятель Н., она мигом сделала точно так же: бросила вёдра и побежала, пятки загорелись, треугольная грудь колыхалась, посылаясь на Замятина.

Куда она побежала — чёрт пойми, приятель Н. вовсе не хотел пугать её. Лишь подумал: эта девчонка может посчитать, что он совершает кражу со взломом. Наверно, кому-нибудь будет очень непонятна мотивация этого героя; что, впрочем, никого никак не волнует ни капли.

Приятель Ж. вытаращился на собаку. Как стало известно через минуту диалога, собаку зовут Жуско. Вот о ком говорили Рыбацкие! Чёрт бы их побрал, конечно.

Именно в этот интимный момент приятель Н. появился рядом с будкой. Отрешённый, потерянный, сломленный. Он скомкался коленями, прополз в округлое отверстие будки. Собака Жуско сделал жест приветствия.

— Приятель, — странно сказал приятель Н., — мы снова вместе.

Приятель Ж. оторвался от своих мыслей:

— Приятель. Приятель! Как я рад тебя видеть! Я общался с собакой...

Приятель Н. нахорохорился:

— Ты исчез! Какого, мать им в негоду, ты исчез тогда, на пляже? Куда! Куда!

Приятель Ж. сказал, чистя пальто:

— Обожди! Не разобравшись, ты меня лелеешь и холишь!

Жуско вежливо прервал приятеля Ж. и объяснил ему значение неправильно употреблённых слов. Когда молчание погрязло в болоте напряжения, Жуско выступил вперёд, затряс задом, как бы усаживаясь, и сел. Стали известны очень интересные подробности: например, Жуско объяснил приятелям причину переноса концерта на следующий день (в чём был замешан еврей и его злорадный акцепт), рассказал, что городской театр, в котором планировалось выступление той, кого они ищут, совсем скоро будут сносить. Однако власти, угомонённые некоторой суммой, разрешили певице (тут Жуско сделал намеренный пропуск) провести последний концерт. Удивительно, подумали

приятели. Но Жуско и не намеревался останавливаться, продолжая: сказал о том, что условно молоденькая девушка, находившаяся в самолёте вместе с приятелями Н. и Ж., совсем недавно заходила к нему, интересовалась по поводу места жительства и прописки некоего отца. И, очарованная, пошла вперёд. Совсем не туда, куда нужно. Жуско пожалел психику этой бессмертной гувернантки: не уведомил о смерти. У каждого свои заблуждения... Вскоре приятелей пришлось успокаивать: известие о том, что дамой в пиковом сооружении (ныне без) являлась сама мать Вероник—! По ходу разговора кто-то из приятелей намекнул о финансировании похорон, что обещали они перед посадкой. Жуско помотал головой, намкнув носом. Пообещал помочь в финансировании, устроить панихиду. На бесконечные расспросы приятелей в один момент деспотично гавкнул: пришло время собираться на трапезу. О ней, конечно же, Жуско ничего не рассказал. Махнул лапой в сторону дома, приказывая располагаться, а сам ушёл, пощеничы лая. Правда, рассказал, что полное имя Вероник— — Вероника.

Приятель Н. сидел, пожалуй, особенно удобно. Его шляпа прекрасно дополняла бедлам внутри дома. Жуско предложил приятелям не просто располагаться, а готовиться к ночлегу: опускалась ночь. Жуско настоял на том, чтобы приятели не рисковали собой в это тёмное время суток. Село, как известно, опасно и без темноты — с темнотой оно уж совсем.

Приятель Ж. варил суп за плитой. Благо, Жуско предупредил приятелей, что сегодня дом остаётся на них: внучки и деда, живущих здесь, не будет по каким-то личным обстоятельствам. Сам Жуско тоже пропал; вот гадёныш.

Село не могло оправиться от недавнего массового убийства деревьев в лесу, совершённым, между прочим, именно здешним дедом.

— Как всё достало, приятель! — сказал приятель Ж., смешивая желток и муку.

— Сколько можно это говорить? — Приятель Н. поправил косынку на диване. — Ты что, ребёнок? Не первый день по планете ходишь.

— Да кто тебя знает! — рывкнул приятель Ж., смешивая желток и белок. — Вдруг — первый день? Время придумано, мать бы их побрала, людьми. А то, что сказал человек, — ну, приятель, сам понимаешь, не официально.

— Твоё мышление осталось на уровне дошкольном, приятель, — сказал приятель Н.

Приятель Ж. бросил кухарку, женщину пожилую, в мусорное ведро.

— Хватит! — закричал приятель Ж., — я спас тебя! Ты даже не представляешь, что было у меня вот здесь, — он ударил себя по груди, — в самолёте! Ты... Я начинаю верить, что ты существо без капли сострадания.

Приятель Н. смотрел снизу вверх.

— Видишь: куда же делось твоё простодушие, весёлость? — спросил приятель Н. — Какая же ты жалкая крыса. А та мышь гниёт у меня в кармане, приятель. Я всё-таки засунул её туда!

Приятель Н. взлетел с дивана яростно.

Приятель Ж. сварил еду.

— Угощайся, приятель, — сказал приятель Ж.

После ужина они спали.

Наутро Жуско не объявился. Дом, как и двор, пустовал, внешне напоминая заброшенную глухую избу.

Приятели пили кофе. Можно уделить некоторое время описанию: больше всего места занимала массивная печь. У круглой дверцы печи стояли кочерга, вилы, топор, веник, совок. Старинные серванты, старинные сервизы. Приятель Н. указывал пальцем в те места, которые казались ему неучтивыми. Приятель Ж. не понимал, что делает приятель Н., однако поддерживал в начинаниях. Описание комнатухи не доставляло удовольствия даже тому, кто очень любил безвкусные, но уютные интерьеры. Это как искать белку в кротовой норе.

Допив кофе, приятели Н. и Ж. вышли из дома.

— Вот так ночка, приятель! — начал приятель Н.

— И не говори, — ответил приятель Ж. сухо.

Приятель Н. легонько толкнул приятеля Ж. в плечо.

— Всё, что было вчера, — шутка, — сказал приятель Н.

— Я знаю! — воскликнул приятель Ж. и рассмеялся.

Смех был долгим. Таким, каким и раньше.

Приятели заулыбались: всё было хорошо.

Впрочем, стоило спешить на концерт. Первым делом нужно было вообще приобрести билеты, что приятели не сумели сделать раньше. Грузоподъёмник, оставленный у калитки приятелем Н., за ночь успел порастить травой. Там, понятно, двигатель и остальные компоненты неработоспособные. Требовалось искать иной способ передвижения.

Приятель Н. заговорил первый:

— Зайдём к соседям! Попросим велосипед, другой — и догоняйте меня семеро!

— Не легче пойти пешком? — задумчиво и грустно спросил приятель Ж.

Приятель Н. строго отказался:

— Нет, нет, приятель. Я сюда приехал, я отсюда и уеду. Ты, может быть, любишь морить ноги свои. Ты — дурак ибо, — сказал приятель Н.

— Ты надоел постоянно! — сказал приятель Ж.

Мимо проходила соседка: высокая, на каблуках, в фланелевом платье. Перекрестила приятелей и пошла дальше. Приятели, в свою очередь, остолбенели. Приятель Ж. подбежал к ней и совершил

разбойное нападение (при этом убойно смеясь).

Приятель Н. воспользовался случаем и украл с кармана соседки двухместную телегу-качалку. Так и сели.

Деревянные невесты охали и плакали. Коровы доедали фотографа, фотоаппарат всё фотографировал что-то своё, словно освободившись от липких рук умершего.

Одним словом, дорога была изнурительная. А вот выехав, наконец, за пределы села, приятели остановили телегу-качалку и принялись ловить попутную машину. Пальто их развевалось от ветра, шляпы придерживали ладони, пёрышка летали по обочине.

Словив большую фуру, приятели оплатили проезд бородатому весёлому дальнбойщику. Поехали на восток. По дороге в город дальнбойщик рассказывал о своих детях и дочурке. Приятель Ж. поддерживал беседу, а приятель Н. спал. Приятель Н., заметил дальнбойщик, всегда спит. Это стало поводом перекинуться парой анекдотов.

Дальнбойщик весело пожал плечами, уставившись на дорогу. Мерно покачивал руль и посматривал на небо, словно опасаясь, что дождь может пойти в любую минуту, и держал свободную руку у кнопки включения дворников.

Дальнбойщик был мужичонкой хорошим, добрым. В некотором роде полный, кругловатый, едва влезал в яркие майки; на дворе лето. Всю дорогу он вспоминал о своей семье, о дочурке, о жене. Прокручивал в голове списки покупок, разные вкусности. Вот в груди что-то горело, всё хотелось нести людям добро. Он и нёс, дурак.

Дальнбойщик пробудил приятелей Н. и Ж., пожелал им удачи и тронулся.

— Хороший мужик: скажи? — сказал приятель Н., разминаясь на тротуаре. Вокруг проходили люди.

— Хороший мужик, — сказал приятель Ж. — Нам стоит торопиться, приятель. Время поджимает. Нам следует купить билеты и заранее занять места в театре, чтобы не облажаться.

— У нас есть деньги, правда ведь? — спросил приятель Н., озабоченный навязчивой мыслью о банкротстве. — Может быть, приятель, нам стоит ограбить банк? Или вон та крохотная бабулька, что переходит дорогу. Мы сможем быстренько вывернуть её карманы, украсть деньги.

— Ты рассуждаешь, как злопакостник. — Приятель Ж. полез в глубокий карман своего пальто и начал бумажно шелестеть. Неужто деньга?

— Я мыслю так, как мы мыслили до этого, приятель, — сказал

приятель Н. — Или ты забыл все те убийства? Ладно! Молчу. У тебя в кармане слышится прибыльный шелест. Это может помочь тебе избавиться от моих идей.

Приятель Ж. достал из кармана одну тоненькую купюру и томпаковую монету.

— И какая у них цена? — спросил приятель Н.

— Я не знаю, — ответил приятель Ж., — но, должно быть, это очень древняя монета. А купюра так и вовсе непечатная — нарисованная. Видно, была изобретена до изобретения печатных машинок.

— Пойдём, нам нужно узнать, стоят ли эти две вещички хоть что-нибудь, — сказал приятель Н.

Так и пошли.

Пришли вскоре к городскому театру. На входе — тонкой, точно палец, очередью стояли зеваки. Проходившая в это время стройка возле театра сильно мешала расслышать, о чём же толкует этот парень на кассе. Приятели Н. и Ж. подошли ближе.

— Билет — одну сотню! — кричал парень, одновременно хватая деньги у желающих посетить театр.

Приятель Ж. ехидно поморщился:

— Что значит «одну сотню»?.. Ай, это неважно уже как несколько минут! Парень глуп. Он не проверяет деньги на валидность... Что ж, приятель, дай мне шанс выступить.

Приятель Ж. сжал купюру покрепче и зажал между пальцами неизвестную томпаковую монету. Парень сразу завидел приятеля Ж. из толпы, растерялся.

— Билет — одну сотню!..

Рука приятеля Ж. хладнокровным рывком протянула парню купюру. Второй как-то первобытно на неё посмотрел.

Приятель Ж., в свою очередь, делал вид человека, который ни в чём себе не отказывает.

— Это что? — отрезвился парень. — Какая, однако, интересная монеточка. Где вы её взяли? — Он говорил это и осматривал монету так, как осматривала бы огонь дикая кошка. — Я полагаю, что цена у этой монеты превеликая...

— Всё верно! — подхватил приятель Ж. и приблизился, — монета ведь не первого сорта. Я, скажу вам честно, коллекционер древних монет. Очень древних!

— Подождите! Вы как-то не туда гнёте линию. Коллекционер он! Тыфу, что ещё придумаете? Муфлон!

Приятель Ж. был неприятно удивлён.

— Эй, парень! — сказал приятель Ж., — как ты себя ведёшь?

Приятель Ж. резко отобрал монету, кривя лицо. Злоба переполнила подкожную сеть. Он размашисто ударил парня по щеке, с него покапали слюни, перемешанные с кровью. Парень сделал машинальный шаг назад, но не смог удержаться после.

— Смерть! — осатанел приятель Ж. Он совершил прыжок на лежащего парня. Кто-то из толпы кинул бутылку; осколки взорвались рядом с чей-то головой.

— Приятель, приятель! — закричал приятель Н., подбегая к приятелю Ж.

Запихав томпаковую монету в журчащий захлёбывающийся рот, приятель Ж. поднял два билета.

Приятель Ж. был немного разочарован тем, что не удался как фальшивомонетчик. Взяв приятеля Н. под руку, приятель Ж. забежал в театр.

IX

Зал был набит. Люди на балконах, вцепившись в поручни, приглядывались через театральные бинокли. Сцена была ярко освещена софитами, наполовину разрезанная пышным красным занавесом. Первые ряды походили скорее на мельтешение чёрных геометрических фигур, что состояли из рук, стационарных телефонов и толстых пальцев. Приятели Н. и Ж. сразу заподозрили, что что-то идёт не так. Не было ясно, на какое время запланирован концерт, сколько осталось мест и проч.

— Билеты негодились! — кричал приятель Ж. сквозь визгливый шум недовольных зрителей.

— Да и чёрт с ними, приятель! — кричал приятель Н., пробираясь вперед.

Один из зрителей толкнул приятеля Н. Другой зритель толкнул приятеля Ж. Приятели пали глуховатыми тушами.

На сцену взошёл еврей. Фигурировавший в самолёте, теперь отлично одетый — в леопардовом фраке. Помощники поставили рядом с ним микрофон на подставке и стул. Еврей сел.

— Прошу минуту тишины! — трезвонил еврей. — Прошу минуту тишины. Раз-два, раз-два, раз-два-три!

Кто-то в зале стал делать физкультурную разрядку.

Еврей улыбнулся.

— Сейчас, в этом зале, — продолжал еврей, — будет происходить моя предвыборная кампания!

— Какая ещё предвыборная кампания? Что говорит этот глупыш? Кажется, он совершенно не подготовил текст и не знает, что мелет! — из зала.

Еврей показал палец.

— Этот театр был куплен мною недавно! — продолжал еврей. — Я являюсь его ресторатором!

— Каким ещё ресторатором? Он правда глуп! Представьте, как он в себе уверен, что несёт такую нелепицу! *Ресторатором!* ха!

Еврей вздёрнул рукой, лицо посерьёзнело.

Прозвучал приглушённый выстрел.

— Но сперва, конечно, я уступлю своим бизнес-коллегам! Прошу внимания! — Капчапе Кале, мой с давеча друг и партнёр, мыльный скупщик и перекупщик! — со своей маркетинговой декламацией! — Еврей поправил галстук и ушёл со сцены.

На неё вышел Капчап Кале. Приятели округлили глаза и переглянулись. Они сделали это ещё при виде еврея, однако не могли и предположить, что всё дойдёт до такого. Капчап Кале с чемоданом, полным мыла, сел на стул, приблизил микрофон ко рту:

— Для меня, право, честь говорить сейчас, здесь. Ещё несколько дней назад я был в ужасном денежном упадке, все мои материалы по личным причинам исчезли. Однако ж, как оно бывает, всё меняется с верой! Молодой человек, прошлый оратор, стал моим близким другом, который и продолжил тот путь, по которому я прошёл.

Помидор с треском разбился у ног Капчач Кале.

— Я... я хочу сказать, что очень благодарен, — неуверенно продолжал Капчач Кале, — что всё так получилось. И, конечно, попросить вас, моих зрителей и возможных покупателей, довериться моим новым акциям по мыльному бизнесу. С этого момента любой, кто купит три мыла, получит одну десятую долю с прибыли нашей компании. Нашей компании: «Milo — как мило». «Milo» обязывается выплачивать покупателям прибыль с помощью придуманного нами способа — экспортной почты! По указанному заранее адресу — при покупке! — высылается код, который после нужно сказать оператору (предварительно набрав на своём телефоне индекс почты). Оператор запишет вас в список.

— Я совсем не понимаю, что происходит! Это просто набор никак не связанных слов; бред человека, который ни черта не понимает в бизнесе! Ай да, братцы! Насилуйте буфетчицу, крадите помидоры и багеты! Атакуй!

Возглас остался без внимания.

Капчач Кале завершающе хлопнул в ладоши.

— Выведите его, пожалуйста. Спасибо за уделённую минуту, мои будущие покупатели! Компания «Milo» ждёт вас!

И он быстро, словно в бегах, покинул сцену.

Тут на огромных ходулях появился участник невероятной труппы «Веселье и трагика», гримированный, весёлый. Его быстро прогнали. Больше никто не выходил.

Еврей вернулся на сцену:

— На этом месте, стоит признаться, совсем скоро не будет никакого городского театра. Нам нет дела до архитектуры, до памяти всех тех выступлений и знаменитостей, что внесли свою лепту в постройку или знать... Весь театр будет снесён, а на месте его будет возведена такая же по размерам синагога с большим залом для духовенства, проведения епитимий и многое, многое другое, что вы увидите уже потом! Нужно сохранять интригу. Рядом же с синагогой будет построен филиал по мыльному производству, на основе *глицериновой машины*! Исэнемесез!

С раскатистым роком потолок пробил громадный, подвешенный на цепи шар. Обломки, доходившие размерами в несколько метров, врезались в пол, создавая ядерные ворохи пыли. Страшно представить, сколько погибло людей хотя бы в ту секунду! Еврей по непонятным обстоятельствам остался на сцене, торжественно раскинув руки во все стороны. Поднялся inferнальный крик. Слева и справа подъезжали колоссально великие в высоту машины, что срывали стены. Демолиторы

загорались от перенапряжения, их двигатели ревели так, как не может реветь сгусток металлических тел.

Приятеля бежали прочь. Узнав адрес Вероники, бежали быстрее. Конечно, спорить не имеет смысла, что данное обстоятельство, впрочем, удивительным образом произошедшее, продолжило их путь. Ведь не узнав бы адрес Вероники и не начав бежать быстрее обычного, приятели бы просто погибли под шквалом бетонной шрапнели.

Люди падали в грязном тумане, завязывались в узлы, бегали по кругу, точно мыши, переплетённые хвостами, и умирали. Приятеля ориентировались с помощью очков, подаренных приятелю Н. евреем: способность фильтровать свет от сора позволяла нейтрализовать всю пыль, сделав её прозрачной. Так работают, пожалуй, солнечные очки.

Приятель Ж. первым ступил на часть земли, незапятнанную пылью. Приятель Н. подлетел и упал.

Отдых приятелей под деревом продлился более получаса. Ушло немало времени на восстановление дыхания и осмысления предательств. Приятель Н. в бреду повторял адрес Вероники, услышанный неизвестным мужчиной на концерте, а приятель Ж. смотрел на яркую зелень парка, куда им довелось попасть.

Собравшись с силами, приятели двинулись вперёд.

— Как знаешь, приятель, — сказал приятель Ж., — но я бы не решился.

— Этот адрес — единственное, что у нас есть. Без него мы, пожалуй, навсегда потеряем какую-либо связь с Вероникой, — ответил приятель Н. — Мать и отец Вероники мертвы, сама Вероника не пришла на свой концерт. Еврей и Капчап Кале создали легальную группировку по производству, продаже и перекупу мыла, создали непонятные акции... которые явно приведут людей в безумие, в поиск лёгких денег...

— Всё ясно, приятель, — ответил приятель Ж.

Гавайское солнце просачивалось через глинобитные дома. Люди с досками для сёрфинга выходили из маленьких хиппи-каморок.

Очень странный район, подумал приятель Ж., и где находится аэропорт — никто не знал. Как много они прошли?

Со временем постройки начали возвышаться: вдали виднелись небоскрёбы, а в нескольких сотнях метров от приятелей — стояли пятиэтажные бараки с японской рекламой и нововведёнными иероглифами катаканы. В общем, несурзига.

— Приятель, приятель! — крикнул приятель Ж., — скорее, скорее!

Приятель Н. обернулся: следы заметал дождь. Он, ливнем, принесённый, видно, тихоокеанским циклоном, обрушивался сзади. Горящее небо в миг перекрыла набухшая водой туча, по краям отражая закат. Температура ветра заметно снизилась. Прохлада теснилась под пальто и шляпы. Пляж, на котором приятель Н. отыскал отца Вероники,

заметало крупными трупами выбрасываемых черепах; они бились панцирями об песок каждый раз, когда вздымались вверх и вертелись, как перекасти-поле.

Приятель Н. ускорился. Прыгнув к дверям пестрящего барака, он опустил ручку, механизм щёлкнул и дверь отворилась. Приятель Ж. держал шляпу на голове и пробирался через метель. Лицо искривлено игольными судорогами, как при морозе. Правда, никакого мороза не было — тропический бриз.

Резко всё потемнело. Сзади приятелей рухнула дверь, прибитая обратно ветром, который прогрессировал снаружи. На подъезд опустилась тишина, сопровождаемая завыванием створок окон, мельтешением теней на побелке стен — листьями, ветками и мусором, что стали жертвой урагана.

— Приятель, какой ужас! — сказал приятель Н. — Какой ужас!

— Ужас! Я было чуть не погиб! — ответил приятель Ж., сильно напуганный произошедшим. — Я надеюсь, что ты привёл нас по правильному адресу. Каков же номер квартиры Вероники?

— Не знаю, — отрезал приятель Н.

— Это плохо, — сказал приятель Ж. — Стоит расспросить соседей. Пойдём наверх.

Указав на квартиру с первым номером, приятель Н. аккуратно постучал в неё и, не уходя с поля зрения глазка, застыл. Внутри квартиры послышалось ленивое кручение ключей, потом приятель Н. услышал шаги, исходящие от шерстяных тапочек. Двери открыла молодая пара: маленькая ростом девушка, с красивыми коричневыми волосами, в фартуке, и её парень, смазливый, зализанный, ростом под потолок, держащий её за плечи.

Приятель Н. растерялся:

— Здравствуйте. Мы ищем некую Веронику. Она, как нам кажется, живёт здесь... и вы могли бы помочь нам?

Девушка добро улыбнулась.

— Конечно, — ответила она, — проходите! — и указала на свою квартиру. В этот момент заплакал ребёнок, по-видимому сидящий на кухне.

Приятель Н. опешил, но виду не подал:

— Вы?... Вы Вероника?... А кто же этот молодой мужчина?

— Ой, ой! — рассмеялась девушка. Парень начал держать её за живот, сверля взглядом, — выдумщики! Я думала, что вы хотите попить у нас чаю! Мы семья-благотворцы; помогаем беженцам из Корка.

— Что? — вмешался приятель Ж. — Нам не нужен чай, право! Мы будем очень любезны, если вы скажите этаж и номер квартиры Вероники.

— Третий этаж, Вероничка там живёт, — сказала девушка. — Пятая квартира слева.

Приятель Ж. кивнул с удовольствием, достал из кармана трубочатую

бомбу, наполненную пероксидом ацетона, и бросил в квартиру. Приятель Н. силой закрыл дверь. Приятель Ж. страшно расхохотался.

Оба побежали на третий этаж.

Войти в квартиру не представилось возможным из-за того, что дверь упорно не открывали. Пришлось использовать таран.

В квартире никого не оказалось. Было видно, что перед приходом приятелей кто-то провёл здесь генеральную уборку: полки и различные поверхности приятно пахли, не несли на себе и слоя пыли. Где-то в углу, в шкафчике, лежал радужный пипидастр, слегка влажный. Приятель Ж. рылся под постельным бельём, выискивая то ли деньги, то ли личные дневники. Приятель Н. рассматривал фотографии, стоящие в обрамляющей их рамке, привезённой из дельфинария. На фотографиях были силуэты на фоне заката; цвет волос не разглядеть, однако хорошо были видны длинные волосы некой девушки. Сомнений не было, думал приятель Н., это Вероника. Её малиновые волосы и её страсть к закатам. Эта девушка, что стала для приятелей культом... Всё не дошло до того, что азиаты стали бы создавать форумы, посвящённые Веронике, и поклоняться ей — и пусть будет так! Всё хорошо!

Приятель Н. подал голос:

— Пусто. Конечно же — пусто! А мы могли рассчитывать на что-то другое? Что она вот так возьмёт и явится! Ха! Ха-ха!

Приятель Н. упал, свернувшись, боль волнами прошла по его животу. Приятель Ж. смотрел на него с горестной привычкой, но продолжал время от времени заползать рукой под матрац.

— Я сдаюсь, приятель, — сказал приятель Н. — Сдаюсь. Всё, сдаюсь! Распускай клан! Величайте меня дураком и занозой! Я не хочу более связывать себя с Вероникой, с Ве-ро-ни-кой! Тьфу, чтоб тебе было!..

Приятель Ж. нашёл личный дневник и читал его. Слова, правда, не хотели связываться в голове, отчего всё чтение было бессмысленным. Приятель Ж. откинул дневник в сторону. Комната была в розовых тонах, однако казалось, что лишь отражается выглянувшим солнцем от серых стен.

Если нельзя называть ситуацию определённой, зная, что всё может поменяться, то сейчас — можно. Приятели были не то чтобы в подавленном состоянии. Они внимали странному вою за окнами, не понимая, кто его издаёт.

Х

Не трудно догадаться, что было дальше.

Друзья перестали стараться, прекратили поиски, истратили мотивацию. Друг Ж. был в особенном упадке. Стоит вспомнить усердные попытки друга Ж. помочь другу Н. в нахождении Вероники. Казалось, ему было даже больнее, чем другу Н., ведь для друга Н. Вероника — лишь, возможно, плод фантазии, который не был подкреплён ничем. Друг Ж. же, наоборот, взял инициативу в свои руки, уничтожив иллюзию. Он раскрыл личность Вероники.

Страшно абсурдное сознание.

Друг Н. загружал мешки в большой кузов. Его работодатель — Войцех Каин, владелец частного предприятия. Неизвестно, как друг Н. вошёл с ним в контакт, но работа шла полным ходом. Впрочем, он до сих пор не находил в себе места для радости или улыбки. Так ощущает себя человек, пробуждённый внезапно после приятного сна.

Его действия были налажены: взять мешки с цементом с пола, понести их пару метров и кинуть в кузов машины. Друг Ж. наблюдал за этим процессом. Его настрой ещё хуже, как известно.

— Он поможет нам пересечь границу, друг, — сказал друг Н. подошедшему другу Ж. — На мостах до сих пор идут восстановления; чёртов ураган прошлой ночью...

Друг Ж. кивал, словно происходящее не было для него в новинку.

— Совсем бесплатно? — спросил друг Ж. — Неужели даже дороги сейчас перекрыты? Никакого пути? Ну!.. Друг, как так?

Друг Н., надрываясь, крикнул:

— Войцех перевезёт нас взамен на то, что мы поможем ему с контрабандой. Поедем мы окольной дорогой через лесополосу. Или, как второй вариант, через заброшенный ныне автобан.

Друг Ж. мотал головой.

Достав из кармана телефон, друг Ж. набрал... нет, он остепенился. Выйдя на тротуар, возле которого играла громкая музыка и проходил феминистический фестиваль, друг Ж. отобрал у случайного мальчишки записку с номерами. Нашёл в списке каллиграфически выведенное слово «мама». Быстрыми пальцами набрал номер: «Алло». — «Привет, сын». — «Я не твой сын. Я лишь хочу сказать, что... никогда не бросай своего сына». — «Что? Кто это, скажите, пожалуйста?» — «Н.», и завершил разговор. На лице застыла горечь.

Друг Ж., услышавший этот диалог, без улыбки рассмеялся:

— Какой глупый диалог, — сказал друг Ж.

Войцех Каин подошёл сзади, хлопнул приятеля Ж. по плечу: мол, работай. Усатый, в бело-кремовом кардигане, вылитый вьетнамец, коим и являлся если не в седьмом, то в восьмом колене... Мягкий на внешний вид, но жёсткий характером, Войцех Каин добился значительных высот с наркобизнесе. Оборот наркотиков, конечно, не полностью контролировался им в городе, в котором происходили недавние события, но значительно.

— Собирайтесь-ка, народ! — громогласно сказал Войцех Каин, — заряжайте пушки порохом! Нам нужно провезти тридцать килограммов кокаина и пятнадцать конопли.

Приятель Ж. как раз кончил с грузом.

— Ну, что ж... давай, — согласился приятель Н.

— Каин, друг, а что вообще нужно от нас? — спросил приятель Ж.
— Неужели мы, два обычных человека, как-то особенно поможем с таким делом, как контрабанда?

Войцех Каин слушал, обмакивая усы в слюне, крутил их и вил. Смотря в одну точку и, наверно, выискивая место для тайника, он пропустил слова приятелей сквозь уши.

Вскоре снова зататорил о своём:

— Под сиденье! Ай хорошо будет! Ладно, парни, садимся. Мешки с цементом, конечно, далеко не с цементом! Вот то-то и наш кокаин. А конопля зашита в покрывах. Главное — не разгоняйте автомобиль до предела, братцы. Ай да! Ай да!

Войцех Каин запрыгнул в кузов, словно арбуз. Яркое солнце ударило зелёным светом в глаза. Весёлый смех вьетнамца раздался стартовым гудком.

Приятель Ж. сел за руль большого грузовика, а приятель Н., несомненно, стал его пассажиром. Запряженные вещества только подливали *в масла огонь!*

У границы небольшим отрядом из десяти человек патрулировала полиция таможни. Длинные приборы в их руках свидетельствовали о том, что они намерены искать. Красным шрифтом на белом фоне вывеска: «STOP-хабар!»

Остановившись у шлагбаума, приятель Ж. и приятель Н. синхронно вышли. Сотрудник таможни негативно на него посмотрел. На кого именно — непонятно, так как у сотрудника было раскосое зрение, как у глупого карася. Приятель Н., дойдя до таких мыслей, попытался сдерживать улыбку, из-за чего одна сторона его лица зазмеилась. Приятель Ж. держал планку серьёзного водителя до конца, не подавая ничего подозрительного ни на своём лице, ни на своём теле; правда, пальцы тряслись, причём как-то по отдельности. Такая вот игра по клавишам.

Грузовик осмотрели со всех сторон. Таможенные сотрудники с непонятной предрасположенной злостью обыскивали транспорт, забирались на кабину и под турбины. Когда те отперли замок на кузове,

приятель Ж. напрягся. Внутрь вошли человек пять, все вооружённые металлоискателями. Прошло семь минут. Понятно дело — ни Войцеха Каина, ни спрятанного кокаина найти не удалось. Смех и грех! Представить только, что вьетнамца, похожего на арбуз (скорее образом), не смогли найти! А он-то велик в размерах. Удача сработала в правильную сторону, точно маятник.

Когда прозвучала команда пропустить грузовик, приятели Н. и Ж. уселись. Второму было до жути интересно, куда Войцех Каин исчез.

Но тут приятель Ж. уловил возбуждённой барабанной перепонкой стук по шинам. Мать бы их побрала! Конопля!

Ударив валенком по газам, приятели тронулись, а турбины, под которыми ещё, выползавшими, лежали сотрудники, — заревели голубым огнём. Произошла такая драматургия, что приятели сжали веки и сказали: «Какая, однако, глупость...»

Стекло сильно подвергалось солнцу в процессе передвижения. Стоит уделить внимание последним духовным событиям:

«Здравствуй, дорогой читатель. Это письмо адресовано тебе вне контекста! Его, конечно же, никто не сможет прочитать, кроме тебя. Приятели ничего о нём не знают. В данный момент они едут по освещённой поляне, загоняя под колёса одуванчики и разрывая густые стволы шелковицы светом фар... Никто спорить не собирается — как глупо всё происходит в последнее время. Приятели сами не понимают, что стало с ними. Они никогда не позволяли себе опускаться до юмора, но сейчас — всё смешно. Даже мне не смешно, дорогой читатель, хотя я прекрасно знаю этих двух молодых парней, чьи имена скрыты за точками, мать его, точками! Ха! Возможно, да и сам я так полагаю, это взросление, и не только их, приятелей, но и моё. А вместе — наше. Наше взросление изменило всё, что писалось ранее. Объяснились многие недомолвки мои... и домолвки... Хочу передать тебе, предостеречь: всё сходится к тому, что приятели Н. и Ж. познакомились с новой, ключевой фигурой десятой и последующих глав — Войцехом Каином, вьетнамским усачом, красивым наркодилером, который, как те четыре персонажа в самолёте, изменят кривую повествования. Занесут, быть может, приятелей далеко в тропические джунгли, где будут кататься на багги, с ружьями наперес, в тех же пальто!.. Но нет, конечно, нет! Все люди ошибаются. Я чувствую приближение своей смерти, и поэтому хочу поскорее окончить эту историю. Приятели могут добраться до меня».

Родной каркасный воздух. Грузовик стоял в молчаливой тоске у серого от неба моря. Родные края узнавались приятелям Н. и Ж. Лёгкие першило, но приятно, приятно!

— Мы дома, — безлико сказал приятель Н., осматривая пальцы.

— Мы... без Вероники, только мы, вдвоём, дома, — сказал приятель

Ж., — как и прежде. Как и уезжали отсюда, приятель...

Приятель Ж. остановил библиотекаря, что встряхивал бумагу. Приятель Ж. попросил его почитать что-то. Тот встряхнул книгу и жёлтым баритоном (словно он был светом керосиновой лампы) произнёс:

«Целлофановый огонь. Огонь, завязанный узелками. Хрустальный дым. Скользящий на вкус. Горький на ощупь... — Жар кидается на глаза. Дрожь под ветренным воротником. Танец антидожда... — Он пришёл новый. Надо открыть дверь».

Библиотекарь хотел было назвать автора, но приятель Ж. оборвал его двумя словами: «Все знают».

Приятель Н., со стороны наблюдавший эту картину, плевался в текущее море и отхаркивал молочную густую плёнку в горле, которая образовывалась каждый раз, когда он пытался сдержать слёзы.

Попрошавшись с библиотекарем, приятели двинулись куда глаза глядят. О боже, как неожиданно... Войцех Каин так и не появился. Приятель Н. рискнул и вскрыл один из цементных мешков — цемент. Вскрыв покрывки, не обнаружил ничего, кроме пустых полиэтиленовых пакетов.

— Знаешь, приятель, — начал приятель Ж., — я немного рад, что у нас было такое путешествие. На толику, не более, но...

— Да, приятель, да, — согласился приятель Н.

Могло бы показаться, что, обречённые меланхолией, приятели Н. и Ж. спохватились и взяли с собою какой-нибудь сувенир; наверно, карманы греются фотографиями Вероники? — нет. Квартира ничего не потеряла.

— Вот и наш любимый кондитерский магазин, приятель, — сказал приятель Н., намеренно замедлив шаг. — Здесь мы покупали тортики, кексы и другие... На твой день рождения, на мой день рождения.

— И именно в этом магазине я впервые попробовал воду, — сказал приятель Ж., чем-то немного обрадованный. — До этого — помнишь ведь? — пил только молоко.

— Помню, конечно, было, — сказал приятель Н., — было! Кто ж знал, приятель, что всё так поменяется? Вода действительно вкусна своей простотой.

— Правда, — отрезал приятель Ж. с улыбкой.

Кто-то из приятелей прошёлся дальше. Вскоре оба были в своей тарелке.

— А знаешь, приятель! — радостно начал приятель Ж., — знаешь ли!.. что именно в этом доме я впервые узнал о том, что ты протираешь абсолютно все лампы, а не только накаливания. Вот дурак, а!

Приятель Н. сдался и рассмеялся:

— Ай, дурак-то!

Они так и шли: приятели общались на тёплые сердцу темы и

вспоминали свою приятельскую жизнь в новом, но старом городе. Их пальто стало светлее, будто постиранное, а шляпы с перьями выглядели не так, как раньше; рыцарская сентиментальность со шпагой на поясе...

Приятель Н. обнял приятеля Ж.

— Приятель, — сказал приятель Ж., — спасибо, что ты есть, дурак.

Приятель Н. крепче обнял его:

— Пустяки, приятель. Знаешь, эта Вероника так надоела! Ну сколько можно? Хорошо в городе родном!..

За диалогами приятели не заметили, как дошли до того самого дома, в котором началось их приключение.

— Мы обещали, что не вернёмся сюда, покуда не найдём разгадки...

— задумчиво сказал приятель Н. — Разгадки... Нашли ли мы её, приятель? Что думаешь на этот счёт?

— Думаю, нашли, — ответил приятель Ж. — Не всегда загадки должны состоять из слов, а разгадки — из действий.

И рассмеялся. Приятель Н. подхватил смех, отпирая двери.

Казарма... грязный, неделями не мытый свет лампы ударил в тёмной пробор двери. Приятели поморщились. Приятель Н. скинул очки с невыносимой гордостью, разбились... Приятель Ж. сел за стол, на котором гнила недорезанная колбаса. Вся в плесени, паутине и слезах, что не сохнут.

Приятели Н. и Ж. на середине казармы. Ох, какие они счастливые лицом!

Взявшись руками и соединившись локтями, встав в необычную позу для нового танца, приятели начали петь:

Дайте новое пальто
Чтобы было нам тепло!
Дайте валенки нам тоже
Шляпу, галстук и калоши
Чтобы было нам тепло!
Дайте музыку послушать!
Дайте что-нибудь покушать
И кормите хорошо!

Последовала красная пауза.

Дайте свежее яйцо!
Дайте крепкое винцо!
Дайте лакомый кусочек!
Дайте розовый сосочек
И хорошее винцо!
Дайте что-нибудь потискать!
Дайте жирную сосиску
И кормите хорошо!

В низеньком чуланчике, согнувшись в три погибели, сидела какая-то дюжая малая, она повернулась и уставила на приятелей свои голубые глаза.

— Бля ваще! — сказала Вероника, выползая на четвереньках.

Встав между приятелями Н. и Ж., она стала петь и танцевать канкан:

Ну дайте ягодку большу!
Дайте вкусну колбасу!

Дайте белую салфетку!
Дайте мятную конфетку
И копчёну колбасу!
Дайте нам лапши комочек!
Дайте молока глоточек!
Клалафуда Клалафу!

Ноябрь 2024 — март 2025 гг.